

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXXIII

ПАМЯТИ
К. Д. УШИНСКОГО

ИЗДАНИЕ МГПИ им. В. И. ЛЕНИНА

МОСКВА

1946

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXXIII

ПАМЯТИ К. Д. УШИНСКОГО

Под редакцией действительного
члена Академии педагогических наук
РСФСР профессора Е. Н. Медынского

ИЗДАНИЕ МГПИ им. В. И. ЛЕНИНА

МОСКВА

1946

Печатается по постановлению Ученого совета Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Председатель Ученого совета, кандидат физико-математических наук доцент *П. В. Мясников*.

Этот выпуск «Ученых записок» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, посвященный памяти великого русского педагога К. Д. Ушинского, содержит доклады, прочитанные научными работниками Института на торжественном заседании Ученого совета Института и на научной конференции в связи с 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ К. Д. УШИНСКИЙ

75 лет назад, в ночь на 3 января 1871 г. (22 декабря 1870 г. по ст. ст.), скончался великий русский педагог, основоположник русской педагогической науки и народной школы России, создатель оригинальной педагогической системы, крупнейший психолог, «учитель русских учителей» — Константин Дмитриевич Ушинский.

Ушинский родился в Туле 19 февраля 1824 г. (по другим данным, в 1823 г.). Детство и гимназические годы К. Д. Ушинский провел в небольшом имении отца — Богданке, близ г. Новгород-Северска, б. Черниговской губернии. Имение это (100 десятин) было расположено на живописном берегу р. Десны. Красивая природа оказала глубокое влияние на впечатлительного мальчика. В окрестностях Новгород-Северска сохранялись еще остатки старинных земляных укреплений — валов. Во время длинных ежедневных переходов из имения в гимназию (которая стояла от усадьбы Ушинских на расстоянии около 4 км.). Ушинский уносился мечтой в далекое историческое прошлое родного города, который противостоял набегам кочевников в древней Руси и принимал участие в борьбе со шведами в начале XVIII века.

После обучения в Новгород-Северской гимназии К. Д. Ушинский поступил в 1840 г. на юридический факультет Московского университета, где в тот период преподавали профессора Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин. В 1844 г. Ушинский блестяще окончил университет и был оставлен на два года при университете для подготовки к профессорскому званию.

В 1846 г., имея всего 22 года от роду, Ушинский был назначен исполняющим обязанности профессора камеральных наук в Ярославский Демидовский лицей. Сохранившиеся четыре лекции его по этим наукам и актовая речь «О камеральном образовании» показывают, что К. Д. Ушинский уже в начале своей научной деятельности проявлял большую самостоятельность мысли, строил свой курс оригинально и остро критиковал за рецептурность и беспринципность систему камеральных наук, как она сложилась в Германии.

Недолго, однако, продолжалась профессорская деятельность Ушинского: через 2¹/₂ года он был уволен как несоответствующий «видам начальства», как профессор, заподозренный в вольнодумстве. Это был период, когда николаевское правительство, испуганное европейскими революциями 1848 года, обрушилось на высшие учебные заведения целым рядом репрессий. Ушинский, уже и раньше обративший на себя опасливое внимание начальства, отказался подчиниться требованию о предварительной цензуре очередных лекций. Вынужденный подать заявление об отставке, он затем в течение ряда лет не мог найти себе места даже учителя гимназии или хотя бы уездного училища.

Нуждаясь материально, он вынужден был занять должность мелкого чиновника департамента инославных вероисповеданий в Министерстве внутренних дел с окладом 400 рублей в год. Канцелярская работа тяготила Ушинского. Он мучительно переживал противоречие между стремлением сделать что-то большое, дать многое родине и скучной канцелярской работой — между мечтой и действительностью.

О том, как мучительно переживал Ушинский это несоответствие между своими большими силами и невозможностью их применить, свидетельствуют записи в его дневнике: «Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердой волей, то погибну посреди этих обломков, сделаюсь пустым человеком... Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме, в которой нет даже стен, чтобы разбить себе голову...»

С 1850 г. К. Д. Ушинский принимает участие в журнальной работе, помещая в «Современнике» и «Библиотеке для чтения» ряд статей и переводов, рефератов, обзоров и т. п. Это была тяжелая, черновая литературная работа, не дававшая простора творчеству. Некоторые статьи помещались журналами даже без подписи автора. Работа плохо оплачивалась.

Осенью 1854 г. Ушинскому удается, наконец, при содействии одного из сослуживцев по Ярославскому лицезу получить педагогическую работу сначала в качестве преподавателя, а затем инспектора Гатчинского сиротского института, где он обратил на себя внимание как талантливый педагог-реформатор. К этому времени относится знакомство Константина Дмитриевича с произведениями классиков мировой литературы. После смерти одного из предшественников Ушинского по должности инспектора Гатчинского сиротского института — крупного педагога Е. О. Гугеля осталась тщательно составленная педагогическая библиотека. Изучивши труды классиков педагогики, Ушинский писал в своих заметках, что если бы эта литература попала ему раньше, он был бы избавлен от целого ряда ошибок.

Под впечатлением этого чтения Ушинский пишет свою первую педагогическую статью — «О пользе педагогической литературы». За ней следуют статьи «О народности в общественном воспитании», «Три элемента школы», в которых К. Д. Ушинский показал себя как оригинальный, глубокий педагогический мыслитель.

В феврале 1859 г. Ушинский был назначен инспектором Смольного института — закрытого женского учебно-воспитательного заведения, состоявшего из двух изолированных одно от другого отделений: Николаевского — для «благородных девиц», где воспитывались дочери знатных дворян, и Александровского училища, где получали воспитание девочки недворянского происхождения (его обычно называли «мещанским отделением»).

Открытый столетием раньше (в 1764), Смольный институт в XVIII в. представлял собой передовое женское учебно-воспитательное учреждение, каких не было почти ни в одной из стран Западной Европы. Но жизнь шла вперед, а Смольный законсервировался в сословных традициях; содержание обучения и методы учебно-воспитательной работы устарели; девушек тщательно охраняли от влияния жизни. Воспитанниц в течение 9 лет обучения не отпускали домой к родителям, ни на каникулы, ни даже в воскресные и праздничные дни. Видеться с родителями воспитанницы могли только изредка в присутствии классных дам. Письма, адресованные даже родителям и от них, вскрывались. Преподавание шло по-старинке: все предметы, кроме закона божьего, русского языка и русской истории, преподавались на французском языке. На этом же языке воспитанницы обязаны были разговаривать, русская речь даже вне уроков строго преследовалась. В результате из Института выходили девушки, умевшие бойко болтать по-французски и не умевшие правильно написать по-русски небольшую записку. Вместо русской литературы девочки занимались зазубриванием схоластической риторики. Произведений русской литературы XIX в. не читали вовсе.

К. Д. Ушинский в течение короткого времени совершенно изменил содержание и методику обучения: он сравнял курс «благородного» и «мещанского» отделений, ввел классную организацию учебных занятий с продолжительностью пребывания в каждом классе в течение одного учебного года, усилил преподавание русского языка, ввел преподавание русской литературы с изучением произведений лучших русских писателей XIX в., превратил географию из сухого предмета, перечислявшего названия островов, морей, государств, рек и т. д., в интересный, живой учебный предмет; улучшил преподавание естествознания и т. д. Ушинский уволил часть учителей, заменив их молодыми, передовыми педагогами, среди которых были очень известные впоследствии ученые

и методисты: В. И. Водовозов, Д. Д. Семенов, О. Миллер, М. И. Семевский и др. Ушинский требовал, чтобы была отменена цензура переписки воспитанниц. Он добился права воспитанниц на каникулы и праздники уезжать или уходить домой к родителям.

Ушинский сам преподавал педагогику в Смольном институте и составил для преподавания в младших классах книгу для чтения — «Детский мир».

Ученица К. Д. Ушинского по Смольному институту и впоследствии горячая последовательница педагогической системы Ушинского Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях («На заре жизни») пишет, что Ушинский в «течение двух лет превратил Смольный из «затхлого болота» в лучшее учебно-воспитательное учреждение».

Таким образом, К. Д. Ушинский явился реформатором женского среднего образования в России и сильно повлиял на учреждение в 60-х годах всесословных женских гимназий.

Реформы, проведенные Ушинским в Смольном институте, возбудили против него реакционеров. На него был подан законоучителем Института донос, клеветнически обвинявший его в атеизме и неблагонадежности.

Возмущенный этим доносом, Константин Дмитриевич требовал, чтобы его деятельность была детально обследована. Запершись на двое суток в кабинете, он писал ответ на донос (который ему, несмотря на его требования, не был даже показан). Лично знавшие Ушинского биографы его указывают, что, когда он вышел из кабинета, он поседел и стал харкать кровью: давнишняя болезнь — туберкулез легких — сильно обострилась.

Несмотря на клеветнический характер доноса, Ушинского удалили с поста инспектора Смольного института, правда, позолотив пилюлю: он остался на службе в Ведомстве учреждений императрицы Марии; ему дали длительную командировку за границу для изучения постановки женского образования и составления учебника педагогики.

К. Д. Ушинский оставался за границей пять лет (1862—1867). Несмотря на тяжелую болезнь, он за этот срок успел сделать поразительно много: написал два тома капитального труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» и собрал материалы для третьего тома. В этой работе Ушинский подверг глубокой критике философские и психологические достижения всех стран и, критически используя все лучшее, что было в этой области во всех странах, дал самостоятельное, оригинальное и прогрессивное решение многих проблем педагогической психологии. Книга эта впоследствии издавалась многочисленными изданиями и была настольной для прогрессивных, педагогически образованных учителей.

Там же, за границей, была составлена Ушинским книга для первоначального чтения — «Родное слово» в трех частях, замечательный учебник, служивший для обучения в школе и дома десятков миллионов детей нашей родины в течение свыше 50 лет. Ушинский написал также богатое дидактическими указаниями «Руководство к преподаванию по «Родному слову» и ряд педагогических очерков «Педагогическая поездка по Швейцарии».

Последние три года своей жизни по возвращении в 1867 г. в Россию он был занят усиленной работой по подготовке к печати своего капитального труда и других работ. Он мечтал о переводе своего труда «Человек как предмет воспитания» на английский язык, работал над составлением третьего тома этого труда, хотел составить дальнейшие части «Родного слова» и переработать уже вышедшие для сельской школы. Однако тяжелый недуг развивался все больше и больше. Временами Ушинский не мог уже сидеть и вынужден был лежать диктовать свои работы.

22 декабря 1870 г. К. Д. Ушинский скончался. Последними его словами были: «Света, больше света!» — слова, которые определяли стремление всей его жизни.

На надгробном памятнике Ушинского в Выдубицком монастыре (в Киеве) выгравированы слова:

«Да починут они от трудов своих,
Дела бо их ходят за ними».

Ушинский умер в возрасте 46 лет, в расцвете своих творческих сил, надломленный, подобно многим талантливейшим русским людям, тяжелыми условиями общественной жизни царской России.

Читая дневники и письма Ушинского, остро чувствуешь его тяжелые переживания, еще и еще раз проникаешься ненавистью к царизму, к реакции, которые мяли, топтали, губили талантливейших сынов русского народа — Радищева и Новикова, Пушкина и Лермонтова, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова, Ушинского и Пирогова.

Тяжела была жизнь К. Д. Ушинского в душное время царизма. Увольнение с профессорской кафедры, когда ученая деятельность молодого, талантливого профессора едва-едва началась, постылая канцелярская служба чиновника, материальная нужда, донос, новое увольнение из Смольного института, где он в короткое время сделал так много.

Затем — пятилетнее удаление за границу, которое Ушинский переживал как замаскированную ссылку, оторванность от практической педагогической работы и от страстно любимой родины; злобная месть со стороны министра народного просвещения мракобеса Д. А. Толстого, запретившего к употреблению в школах

книгу для чтения, составленную Ушинским; новый донос Радонежского, мстившего Ушинскому за меткую рецензию на бездарную книгу Филонова и Радонежского; мучительная болезнь и ранняя смерть...

Энергичный, прямой, глубоко честный и принципиальный, Ушинский никогда не шел ни на какие компромиссы. По справедливой характеристике его ученицы и последовательницы Е. Н. Водовозовой, «он несмотря ни на какие препятствия и гонения шел своей дорогой с гордо поднятой головой».

Но это самоотверженное служение делу воспитания, эта негибаемость давались нелегко.

За год до смерти, чувствуя ее приближение, Ушинский в письме к Н. А. Корфу как бы завещает ему «долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный». В том же письме он желает Корфу «принести больше пользы, чем я принес, даже больше, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при других обстоятельствах».

Ушинского еще при его жизни глубоко оценило русское учительство. За несколько месяцев до его смерти учительский съезд в Симферополе устроил ему бурную овацию. Возле Ушинского сгруппировалась целая плеяда горячих последователей и учеников, замечательных педагогов: Л. Н. Модзалевский, Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов и др. Русская педагогическая общественность высоко чтит Ушинского, но она оказалась бессильной против реакции конца 60-х — начала 70-х годов.

* * *

Другие люди, другие обстоятельства, о которых мечтал Ушинский, пришли только в наше время.

Только в условиях Великой Октябрьской социалистической революции педагогической науке, школе, учителю уделяются громадное внимание и забота.

Только в наше время осуществилась мечта Ушинского: «Сколько нужно школ, школ и школ для всего этого народа, возрожденного к гражданской жизни! И не школ грамотности только, а таких, в которых бы народ научился употреблять с пользой для себя и других свою свободу».

Ушинский мечтал о густой сети народных школ в России после реформы 1861 года. Действительность показала, что в царской России его надежды были неосуществимы, а претворила их в жизнь лишь Октябрьская революция: 7 896 000 учащихся было в 1915 г.; 32 185 000 их стало в 1939 году.

Только в условиях Великой Октябрьской социалистической революции осуществилась мечта Ушинского о педагогической

подготовке учителей средней школы в Педагогических институтах. Только теперь по-настоящему оценивается, изучается, разрабатывается ценное педагогическое наследство Ушинского, издается полное собрание его сочинений, пишутся монографии о его жизни и деятельности.

Начиная свою педагогическую деятельность в Гатчинском сиротском институте, Ушинский писал о своем предшественнике по Институту, крупном педагоге Е. О. Гугеле, надломленном николаевским режимом: «Лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи».

Последующие годы жизни и деятельности Ушинского показали, что, увы, он слишком идеализировал свое время. И только мы, только в Советской стране, можем с полным правом сказать эти же слова о самом Ушинском.

Коммунистическая партия, Советское правительство, советские народы, советское учительство с любовью чтут память великого русского педагога. По постановлению СНК СССР, К. Д. Ушинскому будет воздвигнут памятник, издано полное собрание его сочинений. Созданный этим же постановлением Всесоюзный комитет по проведению 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского разработал ряд мероприятий.

Совет Народных Комиссаров постановил учредить медаль имени К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и работников педагогической науки, установлены две ежегодные премии имени Ушинского (в 25 и 10 тыс. руб.) за лучшие научные работы по педагогическим наукам. Имя К. Д. Ушинского присвоено нескольким учебным заведениям. Установлен ряд стипендий имени Ушинского для докторантов и аспирантов по педагогике и студентам.

Во всей нашей стране состоялись торжественные заседания и научные конференции, посвященные памяти К. Д. Ушинского. Советские газеты и журналы отметили 75-летие со дня смерти К. Д. Ушинского статьями.

Чествование памяти К. Д. Ушинского, как отметил в своей речи на торжественном заседании в Москве 3 января народный комиссар просвещения В. П. Потемкин, превратилось в большой праздник советской педагогики.

Ушинский является основоположником русской педагогической науки. Это положение отнюдь не следует понимать в том смысле, что до Ушинского в русской педагогике не было ничего оригинального. Наоборот, и в практике и в теории воспитания русский народ дал много ценного в XVII, XVIII и первой половине XIX в. (братские школы, педагогические идеи Бецкого, Радищева, Новикова, Ломоносова, Сковороды, Герцена, Белинского).

Сам Ушинский вырос как мыслитель и педагог, имея таких замечательных учителей, как широко образованный директор Новгород-Северской гимназии, прекрасный педагог Тимковский, как профессора Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин, и своими предшественниками Белинского, правильно поставившего вопрос о народности, о гуманизме, о нравственном воспитании; Гугеля, оказавшего сильное влияние на составленные Ушинским учебники, и Пирогова, статья которого «Вопросы жизни», открывая собою в 1850 г. педагогическое движение 60-х годов, произвела на Ушинского огромное впечатление.

Ушинский создал стройную, оригинальную педагогическую теорию, охватившую все основные проблемы педагогики, разработал психологические предпосылки воспитания. Он впервые пробудил в широких общественных кругах интерес к педагогической литературе и дал толчок мощному развитию русской педагогической мысли.

Он подошел к разработке педагогической теории во всеоружии знаний по философии, психологии, географии, истории, экономическим наукам, критически используя литературу на английском, французском и немецком языках, которыми прекрасно владел.

При разработке педагогической теории Ушинский считает необходимым критически использовать все ценное, что было высказано главнейшими представителями педагогической мысли всех стран. Он предостерегает против эмпиризма в педагогике, справедливо указывая, что недостаточно основываться только на личном (хотя бы и удачном) опыте воспитательной работы. Он требует единства теории и практики при разработке педагогики. «Спор между теорией и практикой — спор очень старый, который, наконец, умолкает в настоящее время, осознавая свою неосновательность. Война между практиками и теоретиками, между работниками опыта и теоретиками идеи, приближается к миру, главнейшие условия которого уже обозначились. Пустая, ни на чем не основанная теория оказывается такой же никуда не годной вещью, как факт или опыт, из которого нельзя вывести никакой мысли, которому не предшествует и за которым не следует идея. Теория не может отказаться от мысли», — писал Ушинский в статье «О пользе педагогической литературы».

Ушинский совершенно правильно считал, что педагогическая теория должна являться обобщением педагогического опыта, быть основанной на философии, пользоваться данными, доставляемыми целым рядом наук (анатомией, физиологией, психологией, историей и др.). Педагогическая теория, если она действительно теория, не может ограничиваться рецептами, но должна давать законы воспитания.

Ценна мысль К. Д. Ушинского, что в разработке педагогиче-

ской теории должны принять участие учительские массы. Он указывал, что опыт, мысль, которую выработал в своей практике каждый вдумчивый педагог, не должны оставаться только в пределах его школы; пусть эта мысль «облетит все концы России, заглянет во все захолустья, где только есть школы, и вызовет сочувствие или спор в сотне его товарищей».

Эти и ряд других таких же высказываний Ушинского о разработке педагогической теории, всецело отвечающих нашим требованиям к педагогической науке, объясняются материалистическими и диалектическими элементами мировоззрения К. Д. Ушинского. Он не был материалистом, нельзя его назвать и последовательным диалектиком. Однако в мировоззрении Ушинского имелось много элементов материализма, и в некоторых вопросах он становился на диалектические позиции. Мало того, мировоззрение Ушинского развивалось в направлении от идеализма к материализму. Уже в ранних его произведениях — в речи «О камеральном образовании» (1848), в статье «О пользе педагогической литературы» (1857) нередко встречаются отдельные материалистические положения.

Так, в речи «О камеральном образовании» Ушинский говорил: «Истинная мысль не есть мнение о вещи, но понятие самой вещи... Единственным критериумом вещи есть сама вещь, а не наше понятие об ней...». Уже в этой речи Ушинский основу общественной жизни видит в хозяйственной деятельности людей. Критикуя немецких камералистов, он восторгается отцом политической экономии Адамом Смитом. Он видит противоречия общественной жизни. В более поздних его работах мы встречаем такие отдельные блестящие, как констатация общественных противоречий и анализ экономического развития: «Потребность больших и больших капиталов для всякого самостоятельного производства увеличивается; число самостоятельных производств уменьшается; одна громадная фабрика поглощает тысячи маленьких и превращает самостоятельных хозяев в поденщиков; один дуреет от жиру, другой дичает от нищеты; одного губит богатство, другого крайняя бедность превращает в машину...» («Труд в его психическом и воспитательном значении»). В речи «О камеральном образовании» Ушинский указывает, что в «расчленении общества человеческого проявляется хозяйственный закон».

Экономические и политические взгляды, равно как и философские взгляды Ушинского, недостаточно еще изучены, но, по нашему мнению, заслуживают самого тщательного изучения со стороны историков русских экономических учений и русской философии. Ушинский, конечно, вследствие отсталости русской жизни в 40—60-х годах, не мог найти правильного решения вопросов общественной жизни.

Материалистические элементы при объяснении общественных явлений у него переплетаются с идеалистическими, но в своих исканиях законов общественной жизни, в своей критике ограниченных учений немецких камералистов, в признании больших заслуг английской политической экономии (в противовес немецкой камералистике, которую так остро критиковал Маркс) Ушинский для своего времени дал много ценного и нового. Он, например, подверг основательной критике взгляды Спенсера и других философов, не видевших разницы между законами развития в мире животном и в человеческом обществе и считавших, что прогресс человечества совершается так же, как и у животных, — путем биологического приспособления; этому ограниченному взгляду Ушинский противопоставил мысль о том, что в человеческом обществе главное значение имеет историческое развитие. Тем, кто утверждал, что человек якобы вследствие органического развития вырастит себе крылья, он отвечал: «Сила человека — его паровая машина; быстрота его — паровозы и пароходы, а крылья уже растут у человека и развернутся тогда, когда он выучится управлять произвольно движением аэростатов».

Не становясь всецело на сторону материализма, утверждая, что, по его мнению, ни материализм, ни идеализм не могут дать истины, будучи человеком религиозным, он, однако, в тот период, когда материализм подвергался гонениям со стороны царского правительства, смело заявлял, что материалистическая философия внесла и продолжает вносить много положительного в науку и мышление, и указывал: «Искусство воспитания в особенности и чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время». При этом Ушинский резко критиковал вульгарный материализм Фохта и Молешотта. Его резкие выражения, направленные против материализма, относятся к этому вульгарному, грубому материализму.

Ряд материалистических элементов мы находим и в психологических взглядах Ушинского: отношения между физиологией и психологией, признание опытного характера психических функций и процессов ощущений, восприятия, представлений, памяти, внимания, воображения, мышления. Он утверждал, что основа этих функций и процессов лежит в нервной системе. Отвергая метафизическую трактовку психической жизни, он считал необходимым начинать рассмотрение психики с простейших психических явлений.

Ушинский считал, что «если мы хотим воспитать человека во всех отношениях, мы должны его изучить также во всех отношениях». Реализуя это требование, он разработал капитальный труд по педагогической психологии — «Человек как предмет воспитания» в двух томах, критически использовав все ценное, что

было в тот период в философии, физиологии и психологии всех стран и дав оригинальное освещение многих психологических вопросов. Ушинский стоит на позициях передовой для того времени эмпирической психологии, во многом однако преодолевая ограниченность эмпиризма и приближаясь при освещении некоторых вопросов к материалистическому их толкованию.

Цель воспитания Ушинский формулировал как подготовку нравственного человека и гражданина, отдающего свои силы на служение родине. В основу нравственности Ушинский ставил труд, деятельность, направленную на благо общества. Он указывал, что «животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья». Труд облагораживает человека и составляет необходимое условие его физического, нравственного и умственного развития.

Примерами из жизни целых народов и государств, различных сословий и жизни отдельных людей Ушинский доказывал, как разлагающе действовала на них праздность: «Труд есть единственно доступное на земле и единственно достойное его (человека) счастье». Отсюда Ушинский делал вывод: «Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни». Воспитание должно развить в человеке любовь к труду, привычку трудиться и помочь человеку отыскать для себя труд в жизни.

Отметить эту сторону педагогической системы Ушинского, характеризуя его как великого русского педагога, — необходимо. Сам Ушинский уделял своей статье «Труд в его психологическом и воспитательном значении» очень большое место.

Взгляды Ушинского на труд, как необходимое условие существования нравственности и счастья человека, определяют многие моменты его педагогической системы (вопрос о воспитании чувства долга, протест против забавляющей педагогики, развитие самостоятельного мышления детей, приучение учащихся к преодолению трудностей в процессе обучения и т. д.).

Ушинский трактует вопрос о роли труда в процессе воспитания и обучения оригинально, значительно отличаясь от западно-европейских педагогов и давая, по сравнению с ними, много нового. Так, по сравнению с Локком, он свободен от утилитаризма, с каким подходит к вопросам труда Локк. У Ушинского нет той переоценки опыта ребенка, того стремления сделать обучение во что бы то ни стало легким и приятным, превращения учения почти в игру и той бессистемности в обучении, какие характерны для педагогики Руссо.

Ушинский создал оригинальную, стройную педагогическую систему, в основу которой положил принцип народности. Этот принцип в истории русской педагогической мысли встречается в педа-

гогических высказываниях многих прогрессивных русских деятелей: у Радищева, Новикова и Ломоносова, у Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова; с своеобразным односторонним пониманием народности выступили в 40—50-х годах XIX в. славянофилы братья Киреевские, Хомяков и другие. В 60-х годах этот принцип народности, очищенный от крайностей славянофильства, становится господствующим в нашей литературе, живописи (передвижники), музыке («могучая кучка»), несколько позже в историографии (Ключевский).

В педагогике наиболее ярким представителем идеи народности был К. Д. Ушинский. Он указывает, что «народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории». «Народ без народности — тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожения в других телах, сохранивших свою самобытность», — писал Ушинский. Отсюда он делал вывод, что в основу воспитания должна быть положена народность.

В истории русской общественной мысли принцип народности трактовался различно. О народности как прогрессивном принципе говорим мы, говорили русские революционеры-демократы XIX в., но этим же словом (в совершенно иной его трактовке) оперировали славянофилы и даже реакционное царское правительство николаевского времени (в известной уваровской формуле «самодержавие, православие и народность»).

Чтобы понять сущность педагогической системы Ушинского и должным образом оценить ее, как прогрессивную систему, необходимо проанализировать, как же понимал идею народности сам Ушинский.

Еще в своей речи «О камеральном образовании» (1848 г.) и в своих лекциях в Демидовском лицее Ушинский пришел к идее народности, как своеобразию каждого народа, обусловленному его историческим развитием, социальными условиями его жизни, географическими особенностями его родины. Таким образом, Ушинский вложил в свое понимание народности социальный смысл.

Эту же мысль, как главнейшую черту народности, он проводит, говоря о народности в воспитании. В статье «О народности в общественном воспитании» и других работах Ушинский поэтому выводит национальный характер и национальные системы воспитания как исторически сложившиеся у каждого народа. «Напрасно мы хотим выдумать воспитание, — писал Ушинский, — воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ — с ним родилось, с ним выросло, отразило на себе всю историю, все его лучшие и худшие качества». Каждый народ имеет свой идеал воспитания, сложив-

шийся в процессе многовековой исторической жизни данного народа, вследствие чего у каждого народа исторически сложилась и своя система воспитания. Эту мысль Ушинский блестяще доказал глубоким анализом особенностей английской, французской, немецкой систем воспитания в статье «О народности в общественном воспитании».

В основу принципа народности Ушинский ставит патриотизм, глубокую любовь к родине. Своей жизнью и деятельностью Константин Дмитриевич дал пример патриотического служения родине. «Сделать как можно больше пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности», — писал Ушинский в своем дневнике.

Ушинский указывает, что русский народ любит свою родину; свой патриотизм русский народ доказал многочисленными подвигами в прошлом — в войне 1812 г., в Крымской войне, и т. д. Однако этот патриотизм проявляется у нас по временам «с истинно львиной силой» лишь порывами, в критические периоды жизни родины, а должен он гореть постоянным ровным пламенем и проявляться непрерывно, не только на поле брани, но и в повседневной жизни, при исполнении любых обязанностей.

Воспитание, основанное на народности, должно развивать у детей любовь к родине, чувство народного достоинства, чувство долга перед родиной при исполнении гражданских обязанностей, любовь к героическому прошлому родины и к ее замечательным деятелям, писателям, ученым. Этот патриотизм, замечает Ушинский, должен быть чужд шовинизма и сочетаться с уважением к другим народам. Эти мысли Ушинского всецело созвучны нам, полностью разделяются советской педагогикой.

Равным образом мы вполне согласны с Ушинским и в том, что подлинная любовь к родине должна соединяться с хорошим знанием родины. К этому изучению нашего отечества горячо зовет Ушинский, указывая, что в его время на изучение России школа обращала мало внимания: учащиеся умели безошибочно указать на карте Калькутту, знали хорошо реки любой страны и часто не знали притоков Оки и крупнейших городов, расположенных на главнейших реках России. Отсюда ценный призыв Ушинского, логически вытекающий из принципа народности: в процессе обучения детей обратить главное внимание на преподавание русского языка и литературы, на изучение истории, географии и природы России.

Третьим признаком народности, как ее понимает Ушинский, является вера в могучие творческие силы русского народа. Ушинский указывает, что народ создал прекрасный, богатый русский язык, народную поэзию, которая питает творче-

ство крупнейших писателей. Народ создал народную музыку и песню, которыми широко пользуются в своем творчестве лучшие русские композиторы. В своем отношении к природе и жизни людей народ проявляет много мудрости, выражая ее в пословицах, поговорках и других произведениях народной поэзии; элементами этой народной мудрости пользуются философы при построении своих философских систем. Могучие творческие силы русского народа многократно проявлялись в борьбе с врагами.

Следствием этой черты принципа народности — веры в могучие творческие силы русского народа — является требование Ушинского, чтобы дело народного образования было предоставлено самому народу. В этом требовании Ушинский является педагогом-демократом. Он протестует против чиновничьей, бюрократической опеки над народной школой, против попыток царского правительства заимствовать школьную систему из других стран.

«Воспитание, созданное самим народом, — писал Ушинский, — основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа... Не педагогика и не педагоги, но сам народ прокладывает дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям».

Ушинский отмечает стремление русского народа к просвещению: «Где только ни откроется школа, и в два-три дня она уже битком набита». Он мечтает о том, чтобы в каждой деревне, имеющей 30 дворов, «была бы хорошая школа, не школа грамотности только, в которой ограничивались сообщением навыков чтения и счета, но подлинно народная школа, как воспитательно-образовательное учреждение, основанное на широко понимаемом принципе народности».

Ушинский с полным правом может быть назван отцом русской народной школы. Его борьба за народную школу России, разработка им организации, содержания и методов обучения в народной школе органически вытекают из принципа народности как основы его педагогической системы.

Исходя из принципа народности, Ушинский провозгласил идею оригинальности и самобытности русской педагогики и подверг острой критике немецкую педагогику — ее абстрактность, педантизм, формализм, рецептурность и бездушное отношение к ребенку.

Ушинский разоблачил шовинизм немецкой педагогики и самонадеянные претензии немецких педагогов на ведущую роль в мировой педагогике. Ушинский зорко подметил, что тот идеал «человека вообще», который разрабатывается в педагогических тео-

риях немецких педагогов и который они навязывают всем другим народам, в действительности является лишь рецептом воспитания немца. Ушинский был первым в мире педагогом, давшим глубокую критику фребелизма. Он подверг также уничтожающей критике взгляды немецких педагогов на женское воспитание и практику этого воспитания, назвав эти взгляды убогими и сделал правильный вывод, что женское воспитание — это «камень преткновения» немецкой педагогики.

В выводах своей статьи «О народности в общественном воспитании» Ушинский писал:

«1. Общей системы воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания».

«2. У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому слепое заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным».

Провозглашая оригинальность и самобытность русской педагогики, Ушинский, однако, был чужд какой-либо националистической ограниченности и узкой замкнутости. Наоборот, он выступает как педагог, всесторонне знакомый с философией, психологией и педагогикой всех стран. В выводах статьи «О народности в общественном воспитании» он признает, что «опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех», и указывает, что этот опыт должен быть использован критически, а не заимствоваться слепо.

Лучшим выражением народности Ушинский признал родной язык. Отсюда — громадная роль родного языка в педагогической системе Ушинского. Его статья «Родное слово» — это лучшие в мировой педагогике страницы, посвященные вопросу о значении родного языка в процессе воспитания. Никто из педагогов не вскрыл этого вопроса так глубоко, никто не связал его так стройно с основами воспитания, никто не говорил о родном языке так красиво и вдохновенно, как Ушинский.

«Язык народа — лучший, никогда не увядающий, вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворены весь народ и вся его родина, в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы, — весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного

языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в наследие потомкам. В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове.

Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но и есть именно самая жизнь. Когда исчезает народный язык — народа нет более!».

Ушинский, таким образом, понимает родной язык не как нечто застывшее, но как исторически складывающееся; берет язык в его развитии, в его связи с природой и историей родной страны и с психологическими особенностями народа.

Признавая язык лучшим выражением народности, Ушинский требует, чтобы в основу всего обучения детей был положен родной язык, преподавание которого тесно связывается с сообщением детям первоначальных сведений по природоведению, географии и истории родной страны путем объяснительного чтения.

В прекрасной статье «О первоначальном преподавании русского языка» Ушинский исчерпывающе указал задачи этого преподавания и дал много ценных методических указаний. Ушинский был основоположником в России звукового аналитико-синтетического метода обучения грамоте, который до сих пор (с некоторыми вариантами) применяется в наших школах. Он разработал также методику объяснительного чтения в начальных классах, сочетающую развитие речи с сообщением знаний по природоведению, истории и географии. Ушинский рассматривает речь в тесной связи с мышлением, поднимаясь в этом анализе до материалистического понимания. В начале своей деятельности он неправильно полагал, что речь является прирожденным «даром». Позже Ушинский отказался от этой идеалистической трактовки и говорил: «Язык, которым мы обладаем, не есть что-нибудь прирожденное человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с неба, но плод бесконечно долгих трудов человечества».

Ушинский — замечательный дидакт, давший много ценного по теории первоначального обучения в тесной связи с нравственным и эстетическим воспитанием.

В мировой педагогике есть только два педагога, которые для своего времени дали такое богатство оригинальных дидактических идей, как Ушинский. Это Коменский и Песталоцци. Но у Ушинского дидактические идеи научно более обоснованы и свободны

от тех элементов механистичности, какие имеются у Коменского, и элементов формализма, имеющих в дадактике Песталоцци. Дидактические взгляды Ушинского даны на основе глубокого психологического анализа и так тесно связаны с вопросами нравственного воспитания, как ни у кого из предшествующих педагогов. Так же, как Л. Н. Толстой, Ушинский тонко понимает и раскрывает психику ребенка, чувствует живого ребенка, чего так сильно не хватало немецким педагогам, подходившим к детям сухо и формально.

Ушинский подробно разработал дидактические принципы сознательности, систематичности, посильности обучения, наглядности, активности учащихся, прочности усвоения знаний. Особенно много ценного он дал в трактовке принципа сознательности, как ведущего принципа, и в широком понимании принципа наглядности. Он дал подробные указания для построения и ведения урока. Особенно внимание он обратил на организацию и методику самостоятельной работы детей и прекрасно разработал методику повторения. В дидактике Ушинского наш советский педагог найдет много ценного для борьбы с формализмом в обучении.

Свое требование единства педагогической теории и практики Ушинский реализовал при составлении учебников. Составленные Ушинским учебники — книги для классного чтения «Родное слово» и «Детский мир» — произвели настоящий переворот в начальном обучении детей и в учебной литературе. После трудных, архаических, наполненных схоластикой, непосильных и неинтересных детям учебных книг первой половины XIX в. впервые появились книги, где дан разнообразный, жизненный, учитывающий психологические особенности детей, интересный материал, прекрасно развивающий речь и мышление детей, обогащающий их язык и знакомящий детей с окружающим миром. Впервые в учебной книге были использованы произведения народной поэзии: сказки, пословицы, загадки, поговорки. Впервые широко использованы произведения лучших русских писателей. В «Детском мире» дано 118 произведений Пушкина, Крылова, Кольцова, Никитина, Некрасова, Майкова, Плещеева и др., тогда как в прежних книгах для чтения встречались лишь басни Крылова.

Обе книги для чтения пронизаны идеей народности. Недаром современники считали, что «Родное слово» Ушинского произвело в школе такое же впечатление, как «Руслан и Людмила» Пушкина в литературе. По новизне решения задачи об учебной книге для первоначального обучения, по слиянности развития речи и знаний учащихся об окружающем их мире, по широкому и долговременному распространению, по влиянию на последующие учебники и на учебные книги других народов «Родное слово» и «Детский мир» Ушинского можно сравнить лишь с одной учебной

книгой во всей истории учебников — с «*Orbis sensualium pictus*» Коменского.

За первые 25 лет существования этих учебников было распространено по России около 7 875 тыс. экземпляров «Родного слова» и 1 138 тыс. экземпляров «Детского мира». Эти книги для чтения были самыми распространенными в школе и домашнем обучении в продолжение полувека. На них воспитывались многие десятки миллионов детей — несколько поколений нашего народа. Они послужили образцами для составления книг для чтения целому ряду наших методистов — Бунаковым, Тихомировым, Вахтеровым и другими.

Грузинская книга для чтения, составленная Я. Гогебашвили «Деди Эна» («Родная речь»), которая служила учебником до 1926 г. и сейчас снова в несколько переработанном виде является книгой для чтения в грузинской начальной школе, составлена по образцу «Родного слова» Ушинского. Другая книга Гогебашвили «Бунебис Кари» («Ключ к природе») составлена по образцу «Детского мира» Ушинского. Книги для чтения на армянском языке, составленные Агаяном, на азербайджанском языке, составленные Эффендиевым, на болгарском языке, составленные Д. В. Манчовым («Баштин език за детца»), также составлены по образцу книг Ушинского; значительная часть материала этих книг заимствована у Ушинского.

Про Коменского один из историков педагогики сказал, что если бы он ничего более не создал, кроме „*Orbis pictus*“, его имя было бы бессмертно. То же можно сказать и про Ушинского, создавшего «Родное слово» и «Детский мир». Одни эти учебные книги дают Ушинскому полное право называться воспитателем русского народа, подлинно народным русским педагогом.

В «Родном слове» и в особенности в «Детском мире» Ушинский дает детям много сведений о природе. Он уделял естествознанию большое место в образовательной работе и с поразительным умением развивал у детей не сухие знания о природе, но глубокую любовь к ней. Ушинский в полном соответствии с руководящим принципом своей педагогики — народностью — считал необходимым в первую очередь познакомить детей с природой их родины. При сообщении сведений о природе Ушинский не перегружает детей природоведческим материалом, что имело место в некоторых позднейших книгах для классного чтения. В его учебных книгах удивительная гармония познания и чувства, человека и окружающей его природы, развития языка и обогащения природоведческими знаниями. Пословицами, загадками подчеркнута отношение русского народа к родной природе. Знание последней согрето эстетическим отношением к природе. Недаром Ушинский включил естествознание в круг наук, которые он

определял термином «humaniora» — все науки, способствующие подготовке всесторонне развитого человека, противопоставляя это понятие обычному в его время делению образования на классическое и реальное.

Ушинский тесно сочетает умственное воспитание с нравственным. Он указывает, что «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания». Хотя под влиянием своего воспитания в религиозной семье и вследствие отсталости России того времени К. Д. Ушинский тесно связывал вопрос о нравственности с патриархально-религиозными «устоями», тем не менее, критически используя его мысли о нравственности и нравственном воспитании, рассматривая его взгляды с учетом исторических условий, мы находим у него по вопросам нравственного воспитания много ценного.

Это прежде всего социальная трактовка вопросов: основа нравственности, по Ушинскому, — развивающаяся деятельность на общее благо. «Чувство общности, — говорит Ушинский, — это, другими словами, нравственное чувство». Он бичует эгоизм, праздность, корыстность и стяжательство, лицемерие и другие пороки и выдвигает как нравственные черты патриотизм, гуманизм, искренность и твердость убеждений, чувство общественного долга, правдивость и честность, мужество, трудолюбие, дисциплину. Большого внимания заслуживает методика нравственного воспитания у Ушинского, его удивительное умение в образной форме, без скучных наравоучений прививать и укреплять у детей основы нравственности.

Чтобы проникновенно и чутко понять психические переживания и психологические особенности детей, чтобы сочетать эстетическое воспитание с другими сторонами воспитания, чтобы тонко почувствовать красоту родного слова и природы, педагог должен быть в значительной степени художником-поэтом. Эта сторона творчества К. Д. Ушинского как педагога до сих пор исследователями его жизни отмечена не была, а остановиться на ней нам кажется необходимым.

Данные биографии К. Д. Ушинского, отдельные места его произведений, многие составленные им для «Родного слова» и «Детского мира» статьи убедительно говорят о том, что в лице Ушинского сочетались педагог-ученый и педагог-поэт. В бытность свою студентом Ушинский увлекался театром, пробовал свои силы в области драматургии (неудача его первого опыта в этом отношении еще не говорит, что он не обладал художественно-литературным талантом; вспомним неудачные юношеские дебюты многих крупнейших писателей: Гоголя, Макаренки и др.). Но уже «Поездка за Волхов» — одно из ранних очерковых произведений Ушинского — вызвала очень положи-

тельный отзыв такого влюбленного в русскую природу писателя и тонкого стилиста, как И. С. Тургенев. Только художник мог так чувствовать природу, так увлекаться ею в детстве и так красиво писать о ней, как Ушинский много лет спустя после переживаний детства.

Вспоминая о своем детстве, Ушинский писал: «Сколько перемечталось на этом прекрасном берегу Десны, на этих кручах, нависших над рекой! Как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна! Я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывающая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — все было предметом моего страстного, недремлющего внимания, и впечатления бытия переполняли душу мою! Но вот и снегу более нет, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелеными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, порозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и бог нивесть какое сокровище...».

Вспомним приведенную выше поэтическую характеристику родного слова: «Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни...». Вспомним характеристику русского крестьянина, тихо идущего домой после трудового дня, данную Ушинским в статье «Труд в его психическом и педагогическом значении». Какие образы, эпитеты, сравнения, какая ритмика и звучание фразы!

Художественны по простоте, прекрасны по языку, полны лирикой родной природы, семейного уюта и детских переживаний многие статьи «Родного слова» из воспоминаний детства. Нередки у Ушинского красивые по построению и глубокие по содержанию антитезы: «Безгранично деятельный покой» (в мире психическом); «спокойна душа, вся отдавшаяся делу» и сильные своей выразительной краткостью фразы: «Граф Толстой давит Россию тяжестью двух министерств». Творчество К. Д. Ушинского как писателя, и особенно его язык, еще ждет своих исследователей.

Ушинский является «учителем русских учителей». Он высоко оценил роль учителя и поднял этой оценкой общественное значение учителя, в частности народного учителя. Он указал на единство воспитания и обучения, на огромное влияние личности педагога на воспитанников: «Нет сомнения, что многое зависит от общего распорядка в заведении, но главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного воспитателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником: влияние личности воспитателя на

молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений».

Тот энтузиазм, с которым шли в сельскую школу многие идейные учителя в 60-х годах XIX в. и позже, в значительной степени был зажжен Ушинским.

Он дал русским учителям педагогическую психологию — свой капитальный труд «Человек как предмет воспитания», вышедший в 1916 г. тринадцатым изданием; дал замечательное дидактическое руководство к преподаванию по «Родному слову», учебные книги «Родное слово» и «Детский мир», статьи, выясняющие значение русского языка в процессе воспитания. Он выяснил русским учителям значение педагогической литературы и пробудил интерес к ней.

Он разработал «Проект учительской семинарии», по которому затем в течение десятилетий строилась подготовка народных учителей в лучших учительских семинариях и школах (в Петербургской земской учительской школе, Кубанской учительской семинарии, Тверской женской учительской школе им. Максимовича и др.).

Своим преподаванием педагогики в Смольном институте и своими программами педагогики для общих и специальных классов женских учебных заведений Ушинский заложил основы преподавания педагогики в педагогических (восьмых) классах женских гимназий, откуда вышло много сельских учительниц.

Ушинский поставил вопрос о педагогической подготовке учителей средней школы, выдвинув идею создания педагогических факультетов. Эта идея была настолько нова и смела для дореволюционной России, настолько не имела прецедентов в Западной Европе, что не могла быть осуществлена до революции. Несомненно, однако, что эта идея натолкнула на создание в 1909 г. Педагогической академии, на учреждение Шелапутинского педагогического института и организацию педагогических курсов при учебных округах для окончивших университет и желающих занять место учителя средней школы. Полностью эту идею Ушинского осуществила лишь Великая Октябрьская революция путем создания густой сети педагогических институтов.

Следует отметить большое влияние Ушинского на подготовку и повышение квалификации преподавателей военно-учебных заведений в период расцвета последних в России (60—70-е годы).

Ушинский был одним из учредителей и деятельным участником «Педагогического общества», организатором педагогической общественности и профессионального движения русских учителей. В этом обществе объединялись такие выдающиеся педагоги

того времени, как Н. Х. Вессель, А. Я. Герд, А. Н. Острогорский, И. И. Паульсон, П. Г. Редкин и др.

Надо отметить также удивительное умение К. Д. Ушинского отыскивать и пробуждать педагогические таланты, подбирать учителей и сплачивать их. Когда Ушинский оставил Смольный институт, за ним ушла целая группа преподавателей.

К. Д. Ушинский является реформатором среднего женского образования в России. Его реформаторская деятельность в Смольном институте, его статья «Одна из темных сторон немецкого воспитания» и отчет о командировке за границу для изучения женских учебных заведений, его влияние на известного деятеля по женскому образованию Вышнеградского сыграли большую роль при организации в России в 60-х годах женских гимназий.

Ушинский видел в женщине полноправного человека, подчеркивал ее большую роль в воспитании детей, потребовал полного образования для нее и открыл ей дорогу на педагогическом поприще. «Мужчина и женщина — личности равноправные, равно самостоятельные и равно ответственные», — писал Ушинский.

Я желал бы, говорил также К. Д. Ушинский, чтобы в русской женщине развивалась склонность и желание учить своих детей. Он считает, что мать является естественной воспитательницей своих детей, и уделяет в своей педагогической системе много места семейному воспитанию. Ушинский отмечал, что в русской семье наблюдается такая задушевность, сердечность отношений, такая глубина родственного чувства, забота друг о друге, чуждая в то же время семейного эгоизма, каких нет в чопорно холодных семейных отношениях немцев или у французов, где семейные отношения «рвутся так легко». Ушинский дает много ценных указаний по вопросам воспитания и обучения в семье. Его книга «Родное слово», согретая семейным уютом, была одной из любимейших книг для домашнего обучения детей.

Ушинский считал необходимым правильно поставленное физическое воспитание детей. В его произведениях мы, правда, не находим систематических подробных высказываний о физическом воспитании, но это объясняется отнюдь не игнорированием Ушинским этой важной стороны воспитания, но исключительно глубоким, научным подходом К. Д. Ушинского к проблемам воспитания. Не являясь по своему образованию биологом, физиологом и врачом, он не считал себя вправе говорить о вопросах физического воспитания, но звал к разработке вопросов физического воспитания педагогов-врачей. В предисловии к своему труду «Человек как предмет воспитания» Ушинский требует, чтобы вопросы физического воспитания не ограничивались диллетантскими советами и рецептами, и говорит:

«...мы, не обладая специальными сведениями в медицине, все удержались в нашей книге от подачи советов по физическому воспитанию, кроме тех общих, для которых мы имели достаточные основания. В этом отношении педагогика должна ожидать еще важных услуг от педагогов — специалистов в медицине».

Этот завет К. Д. Ушинского выполнил, как известно, другой замечательный русский педагог — П. Ф. Лесгафт, научно разработавший оригинальную систему физического воспитания.

Таково в главнейших чертах (далеко неполно изложенных) значение Ушинского в русской педагогике. Один из ближайших учеников Ушинского Л. Н. Модзалевский, выступая на чествовании памяти Ушинского в связи с 25-летием со дня его смерти, говорил: «Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же как Ломоносов — наш народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор».

Влияние Ушинского на русскую педагогику было огромно. Подобно тому, как поэтический гений Пушкина вызвал к жизни целую группу поэтов пушкинской школы, так и педагогический гений Ушинского создал целую плеяду замечательных русских педагогов: Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевского, Н. Ф. Бунакова, В. П. Острогорского и других.

Крупнейшие передовые педагоги народов СССР также находились под большим влиянием Ушинского. Таковы Я. Гогешвили в Грузии, Г. Агаян и Тер-Гевондян в Армении, Р. Эффендиев в Азербайджане, Алтынсарин в Казахстане и др. Значительное влияние имел Ушинский на болгарскую и югославскую педагогику. В 1894 г. изданы в Болгарии избранные педагогические сочинения Ушинского. В 1897 и 1902 гг. на сербском языке вышли монографии Д. Семенова и Гольцева об Ушинском.

Советская страна с глубокой любовью чтит память великого русского педагога. Чествование К. Д. Ушинского в 75-летнюю годовщину его смерти превратилось в большой праздник русской педагогики и советского учительства.

Выступая на совещании работников народного образования 30 января 1941 г., М. И. Калинин говорил: «У нас уже социалистический строй, но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я выдвинул в качестве практических предложений, — это настоящие педагогические идеи. Мало того, я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе ■ могут быть полностью осуществлены».

К. Д. УШИНСКИЙ КАК ПСИХОЛОГ

I

Всякий раз, когда мы чтим память великого человека, у нас невольно возникает стремление найти созвучие в его взглядах, убеждениях, идеологии с воззрениями, которые являются господствующими в настоящее время. И хотя мы прекрасно понимаем, что историческая оценка деятельности человека должна производиться с точки зрения значимости его деятельности для той эпохи, в которую он жил и работал, тем не менее психологически стремление оценить, понять деятельность человека с точки зрения сегодняшнего дня невольно вклинивается в эту оценку.

Так мы подходим и к оценке деятельности К. Д. Ушинского. Находя многое созвучным нашей эпохе в трудах К. Д. Ушинского, мы невольно ищем родственные моменты и в его мировоззрении, в его философских взглядах. Отсюда и берет свое начало стремление изобразить К. Д. Ушинского как материалиста по своим философским воззрениям или по крайней мере отыскать у него «материалистические тенденции». Повидимому, некоторые из друзей и почитателей Ушинского полагают, что причислить человека к материалистам или найти у человека «материалистические тенденции» — это наивысшая оценка для идеологических воззрений человека. Повидимому, эти авторы упускают из виду замечательные слова В. И. Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»¹. Выходит, материализм материализму рознь, и в трудах того или другого ученого надо искать не просто «материалистические тенденции», а по крайней мере диалектические и, если можно, диалектико-материалистические тенденции.

Вот таким «умным идеалистом» в своих философских воззрениях и был К. Д. Ушинский. Его религиозные воззрения, так четко сформулированные в положении — «ум говорит о неведомой причине, перед которой склоняется гордый ум с благогове-

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 282.

нием»¹, его дуализм, не менее четко выраженный в положении, что монизм — основа науки, а дуализм — основа практической деятельности², — все это определенно характеризует идеализм философских воззрений Ушинского.

Правда, Ушинский противоречиво формулирует свои философские взгляды, отрицая как будто и идеализм и материализм. «Не говорил ли нам идеализм — не изучай материи, ты ничего не найдешь там!» «Не говорил ли нам новый позитивизм — «Изучай только материю — там все найдешь!» «Оба возгласа, — говорит Ушинский, — возгласы схоластики»³. Это, однако, ничуть не мешает Ушинскому высоко превозносить значение материализма для науки.

Будучи в основном идеалистом в своих воззрениях, Ушинский в то же время является глубоким диалектиком. Диалектика пронизывает всю систему его психологических и педагогических взглядов, и это в значительной мере обуславливало прогрессивность воззрений Ушинского в свое время, и в этом лежит корень того, что воззрения Ушинского так созвучны нашему времени.

II

Первым характерным моментом этого диалектического подхода к своему предмету исследования является то, что Ушинский, создавая систему педагогики как науки, создал ее не изолированно от других наук, а поставил ее в самую тесную связь с другими научными дисциплинами. Ушинский назвал свой труд «Педагогической антропологией», и в этом труде на основе философии, биологических и общественных наук он стремился разрешить вопрос о законах развития жизни человека вообще и законах воспитания — в частности. Ушинский свою «Педагогическую антропологию» начинает с определения места человека в природе, рассматривая его как результат длительного эволюционного развития жизни на земле. Человека Ушинский рассматривает диалектически, как развивающееся существо, и, вскрывая «непреднамеренные» и «преднамеренные» факторы, обуславливающие это развитие, Ушинский среди этих «преднамеренных» факторов указывает и на роль воспитания.

Центральное место в своей «Педагогической антропологии» Ушинский отводит психологии, в которой он видит основу для педагогики. Его главный труд — «Человек как предмет воспитания» — представляет собой не что иное как систему психологии.

¹ Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 284.

² См. там же, стр. 479.

³ Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 413.

Эту систему в противовес немецкой «догматической» психологии и английской «аналитической» Ушинский называет «дидактической»¹, т. е. имеющей непосредственную связь с обучением. Система психологии Ушинского — это не столько система общей психологии, сколько система педагогической психологии.

Посвящая психологии основной свой труд — «Человек как предмет воспитания», Ушинский не забывает и здесь поставить психологию на соответствующее место в системе наук: с его точки зрения, психологию можно построить и обосновать только на физиологии. Ушинский упрекает немецких психологов за то, что они отрывают физиологию от психологии.

Но, сближая физиологию с психологией, Ушинский все же был чужд идее психо-физического единства, хотя все его рассуждения на эту тему идут в этом плане. Он говорит, что «творец так связал душу и тело, что в психо-физических явлениях физиологи изучают их с одной стороны, психологи — с другой»². Это уже близко к психо-физическому единству.

Физиологический очерк Ушинский строит сам и высказывает в нем многие передовые идеи, которые получили свое оправдание только в наши дни. Таковы его идеи о формирующем влиянии деятельности живого существа на строение организма, о сне, как «приостановке деятельности центрального органа мозга», чем Ушинский предвосхитил идею И. П. Павлова о сне как тормозном процессе. Такова его идея о привычках и навыках, как «усвоенных рефлексах», что опять-таки так близко к учению Павлова об условных рефлексах. Наконец, рассмотрение таких психических процессов, как ощущения и память, утомление и работа, навыки и привычки в физиологическом плане, — все это делало основной труд Ушинского прогрессивным для своего времени и делает его созвучным нашей эпохе.

III

Переходя теперь непосредственно к рассмотрению психологических взглядов Ушинского, следует прежде всего указать, что и здесь он остается верен все тому же диалектическому принципу — брать психические процессы в их развитии. Ушинский прежде всего устанавливает общий принцип этого развития, который сводится к тому, что развитие психики проходит определенный путь от элементарных психо-физиологических явлений, свойственных животным, к более сложным, свойственным человеку — «чисто психическим», или «духовным», процессам. А рассматривая

¹ Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 172.

² Там же, стр. 153.

отдельные психические процессы — внимание, память, воображение, рассудок и т. п., — Ушинский везде сопровождает рассмотрение их специальным отделом — «история внимания», «история памяти» и т. д. Генетическое рассмотрение всех этих процессов является для него обязательным.

Пожалуй, самое замечательное и оригинальное применение нашел этот принцип развития у Ушинского в разрешении таких вопросов, как образование понятий пространства, времени, числа, материи, силы, причины Ушинский называет это «психической историей — понятия материи, силы, причины» и т. п. Здесь он вскрывает, что понятия пространства и времени возникают из мускульных движений, которые предшествуют в историческом развитии человека всем другим ощущениям.

При совершаемых движениях мы имеем ощущения усилия, которые мы осознаем как более интенсивные или менее интенсивные. Эти-то ощущения усилия являются основой меры и числа в осознании пространства и времени. Точно так же первое понятие о материи появилось у человека тогда, как он встретился с внешними телами, которые препятствовали его произвольным движениям. Эта чисто психологическая интерпретация развития вышеуказанных понятий является очень оригинальной.

IV

Созвучны нашим основным методологическим принципам воззрения Ушинского и на роль труда в жизни человека.

Энгельс указывал, что труд создал человека. В процессе труда человек выделился из царства животных, стал живым существом, делающим орудия производства и обладающим сознанием. Ушинский раскрывает психологическое и педагогическое значение труда для современного человека как источник его человеческого достоинства и основу его нравственности и счастья. На исторических примерах Ушинский показывает, какое разрушающее влияние имел подневольный, рабский труд на древние государства и какое не менее неблагоприятное влияние имеет на трудящихся несвободный, эксплуатируемый труд в современных капиталистических странах. На конкретных примерах Ушинский доказывает, что «без личного труда человек не может идти вперед, не может оставаться на одном месте, он должен идти назад»¹.

Ушинский высказывает в этой своей статье чрезвычайно оригинальные мысли относительно значения умственного труда, что не вполне осознается нами даже и в настоящее время. Он гово-

¹ Ушинский. Психологическое и педагогическое значение труда, стр. 434.

рит, что большинство людей склонно думать, что умственный труд вредно действует на организм. Ушинский совершенно не согласен с этим. Конечно, умственный труд не развивает мускулов, но зато умственный труд оказывает чрезвычайно благоприятное влияние на деятельность нервной системы. А интенсивное развитие нервной системы под влиянием умственного труда придает необыкновенную живучесть человеческому организму. Так, сидячий образ жизни оказывает на умственных работников менее разрушающее влияние, нежели на работников физического труда: портных, сапожников и т. п.

Среди ученых встречается очень много людей, доживших до глубокой старости, и люди, привыкшие к умственному труду, легче переносят перемену климата, дурной воздух, недостаток пищи, отсутствие движений, нежели люди с сильной мускулатурой, но слабо и вяло действующей нервной системой. Причина этого заключается в том, что нервная система имеет доминирующее значение над другими биологическими системами организма — мысль, которая получила широкое признание только в наше время.

Ушинский подчеркивает также правильность одного психологического закона, который заключается в том, что наслаждения, испытываемые человеком, должны уравниваться трудом, иначе они приведут к пресыщению, к апатии. В этом отношении большую и непоправимую ошибку делают те, кто резко обрывают свою трудовую деятельность и переходят к отдыху, обычно такие люди быстро выбывают из строя жизни.

В качестве образца трудовой жизни Ушинский приводит среднюю крестьянскую семью, где труд равномерно распределяется между всеми членами семьи, и наивысшим возможным счастьем для человека он считает свободный, творческий труд, дающий моральное удовлетворение человеку.

Все эти мысли Ушинского о труде, его психологическом и педагогическом значении настолько свежи, оригинальны и верны, что они не потеряли своего значения и на сегодняшний день.

V

Совершенно нова была в свое время и глубоко созвучна нам теперь проблема сознания, как понимал ее Ушинский. Мы говорим в настоящее время о сознании как характерной особенности человека, в отличие от психики животных. Мы говорим о сознании как продукте труда, о единстве сознания и деятельности, но что такое само сознание — мы не имеем однозначного решения этой проблемы в нашей советской психологии. Ушинский дает этой проблеме оригинальное, не лишенное значения решение.

Сознание для Ушинского — не какая-то «самостоятельная сущность», сознание — это продукт опыта, результат ощущений. Сознание — акт психо-физический, не принадлежащий отдельно ни материи, ни душе. Сознание начинает свою деятельность под влиянием воздействий внешнего мира и является плодом сравнения, сопоставления между ощущениями и восприятиями и установления отношений между ними. В своем стремлении к единству сознание является, с точки зрения Ушинского, «отношением отношений»¹, т. е. обобщением, которое имеет различные степени, начиная от элементарных обобщений ребенка или малокультурного человека и кончая наивысшими формами абстракции, доступными только высококультурному человеку.

Хотя эта теория сознания Ушинского имеет по преимуществу интеллектуалистический характер, тем не менее в учении о сознании Ушинского есть много здоровых и оригинальных мыслей, представляющих большой интерес и для нашего времени.

VI

Глубоко диалектичным и очень близким по своему содержанию для нас является учение Ушинского о речи и мышлении. Ушинский стоит на точке зрения единства мышления и речи, что было не ясно многим советским психологам, в частности, так много работавшему над этой проблемой Выготскому. Ушинский утверждает, что развитие языка и мышления — единый процесс. «Язык — не нечто отрешенное от мысли, а, напротив, — органическое ее создание, в ней коренящееся и беспрестанно из нее вырастающее», — говорит Ушинский. И это положение об единстве речи и мышления имеет с точки зрения Ушинского колоссальное теоретическое и практическое значение, особенно в педагогике, так как если речь едина с мышлением, то развитие речи является средством к развитию мышления, как и обратно — торможение развития речи является торможением к развитию мышления. «Тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем прежде всего мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно, но даже развивать его преимущественно перед мыслью положительно вредно»², — говорит Ушинский.

Можно себе представить, насколько все эти мысли Ушинского были в его время прогрессивными, если они только в наше время получили свое полное правильное решение.

¹ Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 224.

² Там же, стр. 173.

VII

Исключительное богатство и ценность с диалектической точки зрения представляет учение Ушинского о чувствах, или, как он называет, «чувствованиях». Никто из русских психологов так подробно и тщательно не разработал психологии эмоциональной жизни человека, как Ушинский. Теория чувств Ушинского очень оригинальна. Чувства Ушинский ставит в центре всех психических процессов. Он говорит: «В противоположность всем другим психологам мы ставим в центре душевных явлений не сознание и не волю, а чувство»¹. Чувства — первая причина сознания и воли, из чувств исходят все другие психические процессы. Чувства являются посредником между сознанием и волей.

Ушинский высказывает своеобразную мысль о диалектике развития эмоций, мысль, которую он называет «гипотезой стремлений». Человеку по самой его природе присущи, врождены стремления, имеющие неосознанный характер. Такими стремлениями у человека являются стремление к индивидуальному существованию, к общественности, к сознательной деятельности. Человеку от природы свойственно стремление не только «быть», но и «жить» среди других людей. Вот почему самым страшным наказанием для человека является одиночное заключение.

Такие врожденные человеку стремления лишь до поры до времени остаются неосознанными. Обычно эти стремления очень рано осознаются, и тогда они приобретают качественно новый характер: они становятся чувствами, желаниями.

Ушинский дает описание и анализ исключительного многообразия проявления чувств у человека. Вначале Ушинский все чувства делит на три основных вида: органические, душевные и, наконец, духовные, свойственные только человеку. Затем он дает все многообразие чувств и подробно рассматривает удовольствие и неудовольствие, влечение и отвращение, гнев, доброту, страх и смелость, стыд и самодовольство, душевно-умственные чувства — сходства и различия, умственного напряжения, ожидания, обмана, удивления, сомнения, успеха и т. п.

Описание многих из этих чувств доведено Ушинским иногда до изумительной образности и художественности. Таковым, например, является описание чувства матери, потерявшей своего сына¹. Даже в наши дни величайшей мировой войны в литературе очень мало можно найти столь трогательных описаний потери матерью своего сына. Правда, это описание Ушинского, кажется, носит автобиографический характер и относится к трагической гибели его любимого сына.

¹ Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 225.

² Там же, стр. 58.

Во всяком случае отдел чувств в основном труде Ушинского является исключительно богатым по своему содержанию и не потерявшим своего значения и в настоящее время.

VIII

Наконец, созвучно нашему времени и учение Ушинского о воле и характере. Если не вполне, может быть, приемлемо образное определение, даваемое Ушинским воле, как «власти души над телом», но по существу под волей он правильно понимает то, что мы называем произвольными движениями человека, т. е. движениями, направленными на достижение сознательно поставленной цели.

Подвергая анализу сложный волевой акт, Ушинский дает картину последовательного развития этого акта, очень близкую нашему современному учению о формировании воли. Как мы видели, уже в своем учении о чувствах Ушинский выдвинул первичным зародышевым актом врожденное человеку стремление, или, как мы точнее обозначили бы это теперь, — влечение. Осознание этого стремления Ушинский называет качественно отличным от стремления актом — желанием. Желание, направленное на достижение определенной цели, проходит затем новые качественно отличные этапы — убеждения и решения и завершается стадией образования наклонностей, а иногда и страстей. В этой диалектике переходов от одной качественной ступени к другой Ушинский, повторяю, очень близок к нашим воззрениям.

В самой ближайшей связи с проблемой воли стоит проблема характера, представляющая собой, пожалуй, самый интересный отдел в капитальном труде Ушинского. Он определяет характер как совокупность особенностей, отличающих одного человека от другого главным образом в чувствах и воле, а не в умственном развитии, причем здесь в первую очередь учитывается не содержание психических процессов, а форма их проявления. Слабый или сильный человек, постоянный или порывистый, хладнокровный или вспыльчивый, решительный или нерешительный — вот формы проявления характера по Ушинскому.

Во всех этих очень интересных высказываниях Ушинского о характере с одним только положением трудно согласиться, именно, с положением о том, что в характере определяющую роль играет не содержание, а форма проявления. Разве принципиальность или беспринципность человека не является основной чертой характера человека? А если является, то разве принципиальность или беспринципность получает свое выражение только в форме выявления — быстро или медленно, сильно или слабо и т. п.? Нет, принципиальность или беспринципность прежде всего выражает-

ся в содержании тех принципов, которых держится человек в своей жизни. Точно так же обстоит дело и с моральными особенностями характера — не только как они проявляются в жизни, но и что они собой представляют по своему содержанию. Этот недочет в учении Ушинского о характере проистекает из того, что Ушинский отрицательно относился к учению о темпераментах, особенно к характеристике их типов. Он берет в качестве примера личность Руссо и старается показать, что определить темперамент Руссо по той характеристике типов темперамента, которая существовала в его время, не представляется возможным. В одних конкретных условиях жизни Руссо выявлял себя как чистый сангвиник, в других же условиях жизни — как холерик и т. п. Повидимому, состояние этой проблемы во времена Ушинского было таково, что дать определение типа темперамента у данного конкретного человека не представлялось возможным. Но своим проницательным умом Ушинский прозрел то, что только в наше время обосновал И. П. Павлов: определяющую роль нервной системы для темперамента человека, о чем Ушинский говорит, относя это влияние нервной системы на характер человека.

Несмотря на недостаточную разработанность проблемы темперамента и характера во времена Ушинского, он не остановился перед разрешением и того вопроса, который является насколько актуальным в жизни, настолько и спорным. Это вопрос о типах характера. Ушинский делит по характеру всех людей на сильных и ничтожных, цельных и лишенных цельности, — деление не очень усложненное, но в основном правильно отражающее реальную психологию людей.

IX

Все эти основные моменты в системе воззрений Ушинского были в свое время прогрессивными и теперь являются созвучными нашей эпохе. И таковыми они являются потому, что все эти проблемы берутся Ушинским не в статическом, застывшем, лишенном движения виде, а рассматриваются им в живом их развитии, диалектически.

Только теперь мы начинаем понимать диалектику работ Ушинского. Можно утверждать, что настоящее, углубленное изучение, а тем самым и понимание Ушинского начинается только сейчас, в связи с 75-летней датой со дня его смерти. Но и то, что мы раскрыли теперь, так велико и рисует Ушинского как борца за передовые идеи своего времени с такой положительной стороны, что дань огромного уважения к великому человеку нашей Родины является больше чем заслуженной.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ. ЕГО ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

Дмитрий Григорьевич Ушинский-отец, из дворян Черниговской губернии, офицер, участник войны 1812 г., владелец 100 десятин земли и 30 душ крепостных крестьян, выйдя в отставку, поселился на своем хуторе Богданке, неподалеку от уездного городка Новгород-Северска. Двести домиков местных дворян, купцов и ремесленников, скрываясь в садах и прибрежных балках р. Десны, живописно раскинулись по ее правому берегу. Далеко протянулась замечательная степь Северной Украины. В городе живы были еще следы далекой боевой его старины: валы и рвы, остатки крепостных стен. Славная, героическая история города, выдавшего самозванца, помнившего шведов Карла XII, настороженно следившего за разгромом Наполеона, передавалась из уст в уста. Веками вспоминали местные люди, как Басманов отстаивал город от польских панов.

Детство

19 февраля 1824 г. (по справке Московского университета в 1823 г.) родился Константин Дмитриевич Ушинский. Примерно тогда же 14-летний Пирогов, в будущем автор «Вопросов жизни», сдал вступительный экзамен в университет. Родился Ушинский в Туле, но все свое детство и отрочество провел на отцовском хуторе Богданке. И детские и отроческие годы великого педагога прошли без тревог, без волнений, без лишений. Хутор жил не роскошной, не богатой, но достаточной жизнью. 12 крестьянских дворов хорошо кормили, обували, одевали Ушинских. Правда, позже, когда Ушинский-отец чаще оставлял хутор для служебных и личных поездок, когда крепостному хозяйству все труднее и труднее было сводить концы с концами, бюджет Ушинских терпел всякие испытания. Будущему великому русскому ученому пришлось на своем собственном опыте узнать, что значит ветхое пальтишко на плечах, когда надо бежать четыре версты от хутора до гимназии по берегу реки навстречу холодному ветру.

Однако лишения пришли потом, в 30-е годы. Детство Ушинского — 20-е годы XIX в. — было безоблачным, золотым. Любимая и любящая семья, умелая, заботливая рука и внимательный чуткий глаз матери (урожденной Капнист), матери-педагога, сделали свое дело. На всю жизнь мальчик Ушинский сумел сохранить замечательные воспоминания о своем детстве. Позже воспоминания эти легли как основа в теорию педагогики Ушинского. Как известно, он отводил семье и матери большое, почетное место в деле воспитания и первоначального обучения детей.

Семья и прежде всего мать воспитали в мальчике — также на всю жизнь — глубокое религиозное чувство. Ушинский не скрывал его. Более того, он сообщал ему огромную воспитательную силу, чем ограничивал свои позиции как теоретика русской педагогики.

Отрочество

Ушинскому не было еще 12 лет, когда умерла его мать. Отец женился вторично. Его вторая жена, Гербель, мачеха Кости, была сестрой генерала Гербея, начальника Шостенского порохового завода. Биографы Ушинского утверждают, что и мачеха сумела обеспечить пасынку прежнюю привольную и счастливую жизнь. Вряд ли это было так на самом деле.

Вскоре после смерти матери мальчика отдали в гимназию. Он так был подготовлен по всем предметам школьной программы, что без труда сдал экзамен в 3-й класс.

Говоря о своих гимназических годах, Ушинский вспоминает отца, его частые разъезды, вспоминает своего меньшого брата, но о мачехе не упоминает ни словом.

Как ни трудна была ежедневная дорога мальчика в школу, отстоявшую от хутора Ушинских почти на четыре километра, Ушинский с удовольствием вспоминал об этой дороге. Ушинский так любил свой дом, свой хутор, что даже мысль о возможности оказаться где-то вне дома его пугала в детстве. Лет пять он учился в школе, в местной Новгород-Северской гимназии. Гимназия располагалась по другую сторону города. Ее длинное низенькое, ветхое, почерневшее от времени здание глядело хмуро, неприветливо и резко отличалось от белоснежных домиков хутора Богданки. Подгнившие полы, порванные обои, изъеденные червями рамы старинных портретов екатерининских времен сообщали школе неуютный вид. В школе было до 400 учеников, приехавших учиться из 2—3 соседних губерний. В классах тесно и душно. Тощие учебники, плохие педагоги, воспитания — никакого.

Правда, розги пускались в ход только для малышей в «первейшем», т. е. пригготовительном классе. Но зато удары линейкой по рукам (так называемое «пали», т. е. палки), стояние на коле-

нях, карцер, вернее ночевка в избе сторожа, практиковались очень часто.

Как-то однажды провинился и Ушинский, его оставили на воскресенье в школе. Мальчик очень тяжело переживал это наказание. Его впечатлительность и чуткость были поразительны. Мальчик плакал, рвался прочь из школы. Мальчик рыдал навзрыд. «Варвар-учитель не сжалился». Мальчик затих. Учитель заиграл на флейте, а во дворе вдруг завывала собака. Учитель смеялся. Играл. А собака выла. Мальчик пережил страшный приступ «подрывающей тоски». Если бы мать была жива, она пришла бы в школу... Утром в понедельник мальчик убежал домой. Вздохнув родным воздухом у себя на хуторе, он побежал обратно в школу: надо было поспеть к урокам. Восемь верст расстояния от школы до хутора и обратно не остановили его.

За что же полюбил Ушинский-мальчик свою неуютную и суровую школу? Почему сохранил он о ней такие хорошие воспоминания? Директор гимназии Илья Федорович Тимковский, филолог-латинист и историк, сумел привить ему глубокие «искренние ученые стремления» без расчета на какие-либо материальные их последствия. Речи Цицерона, история Тацита, оды Горация, великолепные стихи Вергилия, а рядом библия и молитва Ефрема Сирина — все сливалось в сознании мальчика в какое-то своеобразное единство. «Святыню отчизны, благоговейное уважение к науке», почтительный страх при слове «университет» — вот что вынес мальчик Ушинский из уроков латиниста и историка Тимковского.

Гимназические годы Ушинского взрастили в нем еще одну черту, то, что он сам позже называл «чувствующим взглядом на природу». Известно, как высоко оценивал Ушинский — наш великий русский педагог — воспитательное значение природы. Мальчиком 12—16 лет он ощущал природу, мягкую природу Северной Украины, Черниговщины, с исключительной силой. Восемь верст до школы и обратно пробегали незаметно. Разве только зимой, по вьюжной погоде, Костя бежал в школу или из школы домой. Обычно он брел по дороге медленно, наслаждаясь природой.

«Розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями?» Дорога шла по берегу р. Десны. «Боже мой! — восклицает 30-летний Ушинский, вспоминая детство, — сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих кручах, нависших над рекою». Мальчик зорко следил за жизнью природы. Наступает весна... Вот уже подтаял снег у крыльца, чернеет лед на реке, у берега появилась полынья, а на завтра — другая, третья; ширятся полынья; растут, множатся проталины в саду. Вот и грачи прилетели. «Вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозо-

вели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны». И видиг, своими глазами видит читатель воспоминаний Ушинского-педагога, как с детских его лет стихийно копился замечательный материал для «Детского мира» и «Родного слова». «Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога». В голове мальчика бессознательно и беззаботно роились и зарождались все новые и новые мысли, стремления, чувства. Мальчик возвращался домой «в упоительном тумане».

Говоря о ландшафте, Ушинский имеет в виду не только географию местности, но и ее историко-географический облик, следы воздействия людей на природу. Еще мальчиком он по-своему изучал валы и рвы стариннойстройки, остатки старых боевых укреплений города. Еще мальчиком на живописных берегах, оврагах и балках р. Десны он воображал себе то польских панов — отряды Лжедмитрия I, то шведские полки Карла XII, то даже армии Наполеона. Он сам создавал фантастические истории, героем которых он же и являлся. Мальчиком в своем воображении он воевал и с поляками, и со шведами, и с французами. Он отстаивал родные рубежи от врагов, он оборонял родной город, родину-мать. Всегда один, мальчик Костя полюбил уединение, полюбил свои собственные истории, свою мечту.

Приходя домой, он питал ее печатным текстом книг из библиотеки отца. Он вспоминал о библиотеке позже вскользь и как бы между прочим. Но ведь именно там, на хуторе Богданка, в библиотеке отца (1836—1840) 13—16-летний Ушинский воспитывал в себе этот своеобразный культ книги, культ чтения. Повести, романы, путешествия — он читал все, что находил в библиотеке.

Так римская литература, литература русская и западноевропейская (художественная, историческая и географическая), историческая география, замечательные ландшафты Черниговщины и местный украинский фольклор — вот что воспитывало и обучало Ушинского-отрока.

Юность

В 1840 г. Ушинский закончил обучение в гимназии. Ему было тогда 16 лет. Отец его только что занял должность уездного судьи. Неясное стремление юноши «в университет!» получило четкое, но несколько неожиданное оформление: отец направил сына на юридический факультет Московского университета. Ушинский-сын менее всего был склонен к юриспруденции в собственном смысле слова. Но именно на юридическом факультете

преподавалась тогда философия. К ней-то и потянулся Ушинский-студент. Через философию и психологию Ушинский подошел к педагогике.

Из маленького уютного, приветливого дворянского гнезда, каким был хутор Богданка, Ушинский попал в огромную, непривычно шумную Москву.

Как встретила его столица? Что увидел в ней наш юный провинциал? Что нового услышал он? Как вошел он в ее жизнь? Чем и как жила Москва? Как росла она, завершая седьмую сотню лет своей славной истории? Как вместе с Москвой 40-х годов рос Ушинский?

Москва 30—40-х годов. В Москве 1840 г. было 350 000 жителей. Юношу, привыкшего к уединению, московская улица буквально оглушила: телеги, дрожки, брички, тарантасы, дилижансы — все тарахтело, стучало, гремело. То там, то здесь виднелись дворянские кареты. Но как они полиняли, как постарели, обветшали... Какая жалкая выцветшая ливрея в гербах трясется на безрессорных запятках! Последние дни доживали уютные дворянские домики 40-х годов, прячась в тенистых садах где-то на Остоженке, в Хамовниках, в переулках Пречистенки, на Сивцевом Вражке. Еще звучала в них изящная французская речь, еще читали юные девушки-дворянки Марлинского и «Ледяной дом», и «Юрия Милославского», и «Никласа Медвежья лапа». Но все чаще и чаще в их руках появлялись книжечки Пушкина и Лермонтова. Еще съезжались дворянские семьи зимой на балы в Благородное собрание, а летом на вечера, на лотереи, на маскарады и иллюминации в огромный «вокзал» Петровского парка. Но безвозвратно погибали «дворянские гнезда»...

В годы, когда Ушинский кончал гимназию и учился в Университете (1838—1845), паровые двигатели на производстве — «слепые движители», как их называли журналисты, — были еще модной новинкой. Но именно они и возвещали технический переворот в русском народном хозяйстве. Именно они превращали крепостную дворянскую мануфактуру в капиталистическую фабрику с вольнонаемным трудом и машиной; на фабрике распоряжался ее новый хозяин — купец-предприниматель.

Профессор историк Погодин в статье 1841 г. «Петр I» писал (стр. 345): «Можем ли мы теперь отказаться от употребления машин, от употребления паров, железных дорог? Не можем даже потому только, что живем в Европе. Не можем — пары принесутся сами и повезут нас по Волге, по Днепру, по Черному морю, будут ткать нам сукно, тянуть бумагу; железные дороги придут сами и лягут по нашим гатям, как прежде пришли и грянули пушки. Если австрийцы будут поспевать из Вены до Варшавы в день, то как же нам ехать туда неделю?»

В России появлялись первые железные дороги. Появлялись машины на производстве. Росло капиталистическое хозяйство. Рос капиталистический рынок. Вместе с ними росла русская нация. Росла русская национальная культура. Пушкин, Гоголь, Лермонтов в литературе; Щепкин — «на театре»; Глинка и Даргомыжский — в музыке; Иванов — в живописи; Белинский — в литературной критике; Лобачевский, Струве, Зинин, Пирогов — в науке создавали русскую национальную культуру.

Дворянские особнячки с колоннадой и треугольным фронтоном в стиле ампир уступали свое место безликим, бесформенным двухэтажным каменным кубикам купцов-предпринимателей. По праздникам новые люди — купцы, фабриканты, заводчики с женами, сыновьями, дочерьми смотрели в театре «Коварство и любовь» Шиллера, его же «Разбойники», смотрели «Скопина-Шуйского» Полевого, слушали «Аскольдову могилу» Верстовского. Всех увлекал комик Живокини. Михаил Семенович Щепкин, вчерашний крепостной, неподражаемый Фамусов и городничий, создавал новый русский национальный театр. Щепкин искал «правду на сцене».

Сороковые годы — блестящее время в литературе, науке, искусстве. Это «самое блестящее время литературной Москвы» (Б. Н. Чичерин). Русский народ и русская интеллигенция осознавали себя как единую русскую нацию. Пушкин всем своим творчеством утверждал: «История народа принадлежит народу».

В 1824 г., в году, когда родился Ушинский — создатель «Родного слова», — Пушкин писал: «...все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке»¹. «Россия слишком мало известна русским» (Пушкин). А между тем, пророчески возглашал Пушкин в 1835 году: «La liberation de l'Europe viendra de la Russie» («Освобождение Европы придет из России») ².

В грозах и бурях росла могучая русская культура. Замечательен был 1836 год. В «Капитанской дочке» гений Пушкина достиг апогея, Гоголь выпустил «Ревизора», Глинка — «Ивана Сусанина», скульптор Пименов дал замечательный образ русского парня — «Парень, играющий в бабки». Однако история разворачивалась в сложных противоречиях. Чаадаев мучительно раздумывал над судьбами России и ужаснулся, увидав тупик, куда завел Россию николаевский режим. В «Философических письмах» (1836) Чаадаев, утратив руль управления, призывал Россию на выучку к... католицизму. Столь же мучительно было раздумье молодого талантливого профессора Печерина, филолога-лингвиста. Подобно

¹ Пушкин. Соч., т. VI, стр. 30. Москва, 1936.

² Там же, стр. 350. Москва, 1936.

Чацкому, бросился он в почтовую карету и — вон из Москвы! Только на площади в Берне профессор покинул карету. В простой синей блузе рабочего пошел он искать правду жизни. Пошел и, не имея политического компаса, заблудился. В год, когда Ушинский приехал в Москву (1840), Печерин попал в лапы католической церкви: он стал монахом, редемптористом. Но до самой смерти своей (он умер священником в Дублине) не забывал он России. И мечтал о ней, о России, говоря, что вернется он на родину тогда, когда в России победит молодая Россия. Измученный, истерзанный, затравленный Гоголь сжег труд своей жизни. И даже Герцен не выдержал: «Господи, какая невыносимая тоска!.. Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почки, из которых разовьется их счастье»¹.

Лучшие люди России 40-х годов XIX в. видели не только фасад, но и кулисы Российской империи. Не случайно русский литературный язык 30 — 40-х годов обогатился новыми терминами: «подоплека», «подкладка», «изнанка» приобрели новое переносное значение. Зоркий наблюдатель общественной жизни, каким был Герцен, хорошо отмечал трудности исторического изучения эпохи. «Два противоположных течения — одно на поверхности, другое в глубине, где оно едва заметно, — спутывают наблюдения», — писал он.

40-е годы принесли с собой отрезвление от недолгого и неразборчивого увлечения гегелевской философией в России.

Еще в 1834 г., когда Ушинскому было только 10 лет, В. С. Печерин, профессор Московского университета, писал: «Гегелева философия мне надоела. Я высосал (из нее) все, что было сочного, а бездушный труп бросил на распутии. Верьте мне, господа, даже и в философии немцы пошлый народ!»

1 марта 1841 г., когда 17-летний Ушинский был уже в университете, В. Г. Белинский в письме к Боткину раз и навсегда распрощился с гегелевской философией: «Благодарю покорно, Егор Федорович, — писал он, так насмешливо величая Гегеля, — кланяюсь вашему филистерскому колпаку... Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови!»

Гений в небе и толпа в грязи — подобная «фаза» гегелевского абсолютного духа противоречила новому пониманию «социальности», над чем так упорно думал Белинский. «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой». «Я теперь в новой крайности — это идея социализма», — писал Белинский 8 сен-

¹ Былое и думы, стр. 388—389. Запись в дневнике от 4 апреля 1842 года.

тября 1841 г. «Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию».

Философия Гегеля по существу своему бессильна была не только разрешить, но даже и откликнуться на общественные противоречия эпохи.

Гегель был беспомощен в решении новых вопросов социального переустройства. В спорах русских людей, в статьях и книгах не случайно ставились на очередь вопросы о роли и задачах России, о «самобытности» и «народности», о «космополитизме» и «своеобразии» русского исторического процесса. Новые идеи, новые слова проникали в сознание, просились на язык русского человека.

В московских гостиных, где собирался цвет русской интеллигенции 40-х годов, велись жаркие споры.

«Говоря о московских гостиных и салонах, я, — писал Герцен, — говорю о тех, в которых некогда царил А. С. Пушкин, где до нас декабристы давали тон, где смеялся Грибоедов, где М. Ф. Орлов и А. П. Ермолов встречали дружеский привет, потому что они были в опале; где, наконец, А. С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. Аксаков с мурмолкой в руке свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал... где Грановский являлся с своей тихой, но твердой речью; где Чаадаев тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно запороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы... и куда, наконец, падал, как конгревова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало».

Московский университет. Пробуждалась и по-новому строилась университетская жизнь в 40-х годах XIX века.

Достаточно вспомнить русский университет печальной памяти 20—30-х годов. Даже Снегирев, Шевырев и Погодин с их своеобразным «патриотизмом» в 40-х годах казались уже «раритетами». Стоит ли говорить о Терновских, Гастевых, Герингах, интересы которых не выходили за пределы мелких материальных расчетов. В. С. Печерин, может быть, слишком резок в характеристике своих коллег: «благонамеренные старые профессора, насыщенные деньгами, крестиками и всякою мерзостью». Так говорил он о московских профессорах 30-х годов.

«Понятия «права» не было в университетских курсах: юристы говорили не о «праве», а о «законе» и «законоискусстве».

Таков был университет 20—30-х годов.

В 40-х годах в университете повеяло новым духом. Научная мысль оживилась.

«Студенство» — это «играющее буйство», как говорил Константин Аксаков, тоже искало «истину жизни». «Грубые шутки, дикое буйное выходки студентов, бывшие некогда, — давно миновали» (К. С. Аксаков). Молодежь верно почувствовала что-то новое в истории родной страны, выращивала в себе новые умственные и нравственные силы. Правда, именно в 1840 г. Николай I приказал «устранить от поступления в университет молодых людей, никакого наружного образования не получивших — в домах бедных и низкого происхождения людей». Но жизнь была ключом повсюду: не только в университете, не только в московских салонах. Даже в «Московском трактире», лучшем купеческом ресторане Москвы, можно было найти не только хорошую кухню, музыкальную машину, но и все московские журналы, а сверх того, — «Похождения Чичикова».

Из заграничных командировок в Московский университет возвращались профессора-западники, профессора-патриоты. В 1839 г. начал свою педагогическую деятельность профессор Тимофей Николаевич Грановский. Он читал всеобщую историю филологам и юристам. Читал замечательно, как должен это делать профессор-исследователь, профессор-гражданин. Ушинский внимательно слушал его, многое взял от его манеры мысли и изложения, всегда эмоционально насыщенного, образного, художественно-яркого, выразительного.

Петр Григорьевич Редкин, в годы студенчества учившийся в Московском университете «российскому законоискусству» (1826), т. е. кустарному изделью мало подготовленных юристов-практиков, — в качестве профессора читал (с 1831 г.) курс «Энциклопедии законоведения». Это был первый в русской университетской практике курс философии права и государства. Правда, в основе его лежала гегелевская философия, но метод ее — метод диалектический — представлял собой значительный шаг вперед в истории науки. И московские студенты быстро это уловили. С каким глубоким интересом они слушали его курс! Они ценили в нем остроту мысли, «проницание человеческое», как говорил Ушинский. Они звали его «великим учителем», «искателем истины».

В 1841 г. появился первый том «Юридических записок», из данных под редакцией П. Г. Редкина. Замечательно звучал — сто лет тому назад! — эпиграф издания:

«Все минется, одна правда останется».

Том был отпечатан в университетской типографии и насчитывал около 500 страниц. При кажущейся пестроте состава сборник был пронизан одной идеей; эпиграф был взят не случайно. Статьи сборника, казалось, предназначенные для узкого круга специалистов (Калачов писал о Судебнике, Данилович о литовских статутах, кандидат Кавелин «О теориях владения» и т. д.),

были объединены одной идеей, идеей развития права. Сборник ставил перед собой задачу «проглянуть в будущее» и решить вопрос о справедливости и разумности права.

Ушинский - студент (1840—1844). Представьте себе 17-летнего Ушинского за чтением первого тома «Юридических записок» Редкина. Тогда же наш юный герой читал первый номер журнала Погодина «Московитянин». Кроме статьи Редкина о Гегеле, он нашел там статью профессора литературы Шевырева «Взгляд русского на образование Европы». Автор доказывал, что Запад болен, что невозможно и ненужно прививать идеи Запада самобытному русскому уму и русскому сердцу.

Ушинский читал новую повесть Лермонтова «Герой нашего времени» (1840), его же «Отчизну» (1841): «Люблю отчизну я, но странною любовью». Читал замечательные историко-критические обзоры Белинского, читал и Герцена «Записки одного молодого человека» (1840).

Ушинский-юноша, с нежной изящной душой, болезненно-самолюбивый, беспощадно-строгий к себе, присматривался, приглядывался, изучал своих товарищей и учителей; привыкший к уединению и мечтательности, он накопил огромный напряженный поток мыслей. Пылкий и страстный, он редко удерживался на позициях наблюдателя. Человек общительный, Ушинский быстро завязывал знакомства, беседы, споры... Ушинский имел что сказать. Ушинский обо всем имел свое мнение. Незнающим его он мог казаться даже высокомерным, выскочкой. Самого себя Ушинский бичевал за это. Напрасно, он не страдал этим пороком. Но, сказать правду, Ушинский, конечно, знал, что он на голову выше студенческого коллектива. На приемных экзаменах в Московский университет можно было почувствовать печальные результаты плохой работы дворянской семьи и школы. По успехам и общему развитию выделялись на курсе лишь ученики московских гимназий и дворянского института. Но и среди них многие не имели «правильного периода в русском языке». Да и где узнать им было родной язык?! Они перенимали его в лакейской. Французский язык в каком-то странном — «нижегородском» варианте все еще звучал и в армейской казарме, и в табачной лавчонке; квартальный надзиратель, скромный чиновник, московский студент — все еще считали своим долгом говорить «по-французски». Ломоносов, Пушкин, Грибоедов, «арзамасцы», а за ними и славянофилы и западники справедливо требовали большего уважения к великому русскому языку. К. Д. Ушинский, смело можно сказать, возглавил в 50—60-х годах борьбу за честь и достоинство родного слова.

Студенты не умели размышлять: руководство по логике зубрили наизусть за две недели до экзамена. «Правописание еще не

приросло к перу». Не было знания замечательных произведений родной литературы. «Ну как бы, кажется, русскому юноше не знать наизусть биографию Ломоносова», — негодовал Шевырев, рассказывая о приемных экзаменах в Московский университет.

Юный Ушинский, конечно, знал и русский язык, и русскую литературу, и логику, знал и биографию Ломоносова.

Страстное, недремлющее внимание — вот отношение Ушинского к Москве, к литературе, к театру, к искусству, к философии, к Московскому университету. Готовность к любой жертве ради блага народа, родины — вот основная политическая позиция юного патриота. «Отказавшись совершенно от самого себя — работаем для потомства». «Приготовлять умы! Рассеивать идеи! Вот наше назначение. Рано еще действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию, дела появятся сами». Ушинский не революционер: «Тихо, покорно будем нести гнет, от которого избавим наших потомков. Предупредим бедствия перелома». Ушинский страстно верил в силу науки, в силу просвещения. Юноша мечтал об исторических работах. Он мечтает «написать историю так, как я ее понимаю». Ему было 19 лет, когда эта мысль была готова стать жизненным решением (1843). Он отказался от нее. Другая идея всецело овладела им: надо просветить неграмотные народные массы, дать народу элементарную грамотность.

Просветить народ — значит перестроить жизнь, значит спасти родину. Так в юном студенте рождался великий русский педагог. Вспомним, что его учитель Редкин тогда же, в 1843 г., основал СПб Педагогическое общество.

До наших дней сохранился дневник Ушинского, молодого человека 20 лет, студента 5-го курса (1844—1845). Мы знаем, как жил, как мыслил и как рос этот замечательный юноша.

Студент 5-го курса (1844—1845). 14 ноября 1844 г. Ушинский составил твердое расписание рабочего дня: подготовка к экзамену — 4 часа, чтение для ума — 4 часа, чтение по университетской программе — 8 часов, на заработок («уроки») — 3 часа. На сон, еду и отдых — 5 часов. Из этих 5 часов часть отводилась на занятия искусством, на прогулки, «немного эстетики».

Ушинский воспитывал свою волю, страстям не давал своеволия: иначе беда — разрушится стройное внутреннее государство. Но как-то однажды (это было 16 ноября) он заглянул глубоко в свою напряженно-страстную душу: его охватила нездешняя сила «укрепляющего жара». Юноша не мог сидеть дома. Он поспешил скорее на воздух... «Какая-то полнота, гибкость, самонаслаждение во всем теле. Теперь я чувствую сладость бытия». То же пережил он еще раз, 3 декабря 1844 года. Но беда, если бездействует воля. «В чем упрекают наш век?» — спрашивает

себя 20-летний философ. «Все молчит. Повсюду непреодолимая скука» — паралич воли, по Ушинскому. А между тем повсюду и все требует деятельности. Эта замечательная антитеза: «скука» — «деятельность», однажды данная Ломоносовым, позже с исключительным мастерством будет развернута Ушинским в его психологическом трактате «Человек как предмет воспитания».

Надо найти верную идею прекрасного в жизни. Отечество — вот подлинно немеркнувшее золото.

Эгоизм чувств движет человечеством. Эгоизм ума — любовь ума к уму — вот закон нерушимый, вечный, истинный. Ум — плебей. Он не нуждается ни в чем. Он топчет чувства, их не замечая. «Везде увидим торжество плебея — ума, везде услышим стоны погибающей аристократии — чувства».

Как работал ум Ушинского, — это можно установить по его студенческому дневнику. С 25 августа 1844 г., когда после каникул он вернулся из дому в Москву, до 8 декабря Ушинский успел прочитать шесть томов Савиньи, четыре тома Эйххома, два тома «Истории философии» Гегеля, один том Огюстена Тьерри, один том Гизо, «еще 2 тома», «еще 4 брошюры» и еще один том. А всего за 100 дней, таких очаровательных (августовских, сентябрьских), какими они бывают в Москве, — Ушинский прочитал... 19 томов! Мы знаем метод его самостоятельной работы. Конспекты, выписки (цитаты), критические замечания и глубокое творческое раздумье — неперенные элементы чтения.

Наблюдения за собою Ушинский не прекращал ни на минуту. Он работал много и настойчиво. Он обращал на себя внимание профессоров. Отсюда — запись в дневнике: «Трепещу, чтобы меня не сочли за человека чего-нибудь ищущего» (для себя лично, разумеется. — И. П.).

Между тем наступили святки. «Великобритания» — студенческий трактир напротив университета — и до святок гостеприимно распахивал перед студентами свои двери. На святках студенты шумно веселились, рядились, дружно пировали...

20 января 1845 г. Ушинский подводил итоги. «Что я сделал? Таковую кучу мерзостей, что, о боже, пошли мне забвение». «Дух мой заснул». «И вот я опять — мелочен, тщеславен, брюзглив, зол, нерешителен, труслив, лжив, тороплив, легкомыслен, ленив, сластолюбив. Попрежнему несчастен без страданий, попрежнему ничтожен, попрежнему игрушка минутных, самых пустых случайностей». Ушинский уже в студенческие годы стремился тонко, психологически наблюдать.

Но можно не сомневаться, что в данном случае Ушинский клеветал на самого себя. Вряд ли он умел так грешить, как умел каяться. Проступок — даже и малейший — вызывал в нем глубокое, искреннее и чрезмерное покаяние и раскаяние. Подобно

старцу из «Трех разговоров» Владимира Соловьева. Ушинский не терпел уныния. И Ушинский не знал уныния.

Так было и после святок 1845 года. «Теперь я для себя ужаснейший хаос. Теперь мое я подобно какой-то страшной бездне. На дне — пустота и утомительный мрак. Вверх поднимаются тучи мелких гадких насекомых». Нужно исправление. Ушинский составляет десять правил поведения, «десять заповедей блаженства». Среди них: правило пятое — «Не говорить о себе без нужды ни слова»; правило шестое — «Не проводить времени бесознательно».

Жизнь входила в нормальную колею. Но уже 22 января юный студент записал, что опять погрешил против правила пятого, а 25-го — «Соврал без нужды». 27-го — «Тщеславие разгулялось». 28-го — «Не согрешил... Нет! Нет! Занял деньги за адские проценты, когда совсем было не нужно». 29-го — «Кажется, не согрешил... Но почему же так беден мой журнал?» «И дух наш, как и тело, не может воспрянуть до небес, но может строить бесконечное здание».

На следующий день, 30 января, правило пятое было опять нарушено. В дневнике появилась запись: «Болтать, болтать и вечно не думавши без нужды болтать — когда же это кончится?».

Празднословия, как уныния и праздности, Ушинский тоже не терпел. 3 февраля, когда студент Ушинский давал урок своему ученику, в комнату вошла мать ученика. Войдя, она посмотрела и вздохнула. О чем? О детях, должно быть. «Значит и обо мне...» — «Шарлатан!» — раздается гневный окрик дневника. «Проклятая бедность! Проклятое ничтожество характера!».

26 марта, видимо, что-то случилось при встрече с девушкой знакомой и, может быть, любимой. Она не пожелала остаться дольше. Он просил. Она отказывалась и смеялась над ним. Она ушла. Он записал: «Не просить кого-нибудь оставаться у себя, когда он хочет уйти. Иначе: «разговор надувается и делается скучным». Насмешки? Но что значит чужие насмешки, когда мы сами над собой смеемся». «Скучно! Не шутя хочется умереть, развязаться со всеми этими дразгами», «Как прекрасна жизнь, созданная творцом, и как ужасен я, человек, который вынужден бежать от собственной вони».

Не пройдет и трех дней, как юный философ-пессимист найдет крепкое утешение. Была весна. Сверкали весеннее солнце и небо! «Небо приносишь с собой в комнату». Какой мощью владеет «чувствующий взгляд на природу!» «Чувство осознанной вечности — вот подлинный восторг души человека». Вряд ли случайно в данном контексте цитата по Гегелю (из «Философской пропедевтики»). Гегель говорил, что, воспитывая волю детей, надо приучать их к послушанию, ограничивать их чувства и удовольствия.

Ушинский уверенно и метко полемизирует с Гегелем: «Человек гораздо меньше приобретает от того, чему его хотят учить, нежели от того, чему не думают учить его». Позже Ушинский — философ и педагог — решительно скажет, что «Гегель в философии приторен и пошл» (ор. cit., стр. 221).

2 апреля — новое прегрешение против правила пятого: «Что за удовольствие, что за глупое желание занимать собою встречного и поперечного. О! Молчать гораздо труднее, чем говорить!» (38—39). И опять составлен список 14 названий книг русских, французских, немецких, всего 22 тома, подлежащих изучению. Среди них находим 4 тома Дюма „*Impressions de voyages*“.

В апрельских записях мелькают имена Канта, Гегеля, Моля, встречаются цитаты из их произведений. Проблема свободы воли особенно интересует автора дневника. И рядом с этим настойчиво и упорно звучит мотив строительства родины. Полемизируя с Модем, Ушинский замечает, что «все учреждения должны быть народными и по направлению и по форме». Все учреждения, говорил Ушинский, а следовательно, и школа.

В годы, о которых идет речь (1844—1845), Герцен писал «Письма об изучении природы», Петрашевский печатал свой «Словарь иностранных слов». 1845 год, когда Ушинский кончал университетский курс, был годом критическим в истории русской политической мысли. «Западники» размежевывались: Герцен, Белинский, Огарев решительно высказывались за революционное переустройство России. Редкин, Грановский, Кавелин, Чичерин, страшась революции, мечтали о реформах. Ушинский — ему было тогда 21 год — напряженно думал над вопросом о путях развития России.

Молодой ученый-юрист (1845—1848). Окончив Московский университет, Ушинский в Ярославском Демидовском лицее читал лекции по камералистике (1845—1848). Вопросам правовым Ушинский всегда предпосылал историческое введение. Историзмом напитывал он и свои физиологические, и психологические, и юридические розыскания. В истории народов Ушинский настойчиво подчеркивал патриотизм в общественной жизни. В истории России он слагал настоящий гимн Петру Великому и русскому народу. Отрицательными чертами русского народа Ушинский считал: 1) стремление жить особняком, 2) страсть к чужим обычаям. Но высокими достоинствами русского народа были и остаются, как думал Ушинский: 1) любовь к родине и к общности, 2) миролюбие и мужество.

Следом за Надеждиным, задолго до Шапова, Ушинский настаивал на историко-географической трактовке исторического материала. География не определяет истории, но география и история

взаимодействуют. История, по Ушинскому, должна сочетать элементы «народности» и «местности».

Когда Ушинский преподавал в Ярославском лицее, Герцен писал «Кто виноват?» (1845—1847), Тургенев — «Хорь и Калиныч» (1847). Москва праздновала свой 700-летний юбилей. Поэт Дмитриев посвятил Москве простые, искренние строки (1847):

«Здесь Россия! С ней страдала
В годы тяжкие Москва.
С ней она и восставала
К торжеству от торжества.
С ней делила скорбь и горе
И на брань звала сынов
В дни, когда народов море
Выступало из берегов».

В сознании молодого ученого наслаивались все новые и новые впечатления. Ушинский с юных лет рос, как верный родине гражданин, как патриот, преданный интересам русского народа. Ушинский верил в могучие творческие силы народа.

ИДЕЯ НАРОДНОСТИ В ПЕДАГОГИКЕ УШИНСКОГО

К. Д. Ушинский занимает особое место в истории русской педагогической науки, именно как создатель новых путей в развитии отечественной педагогики и как выразитель той основной идеи построения русской отечественной педагогики, которую он сформулировал как идею народности педагогики.

Проблема народности волновала умы русского общества издавна и особенно с начала XIX в., со времени Отечественной войны 1812 года. В науке и литературе того времени раздаются голоса протеста против механического заимствования западноевропейской культуры и возникают поиски национального самобытного лица русской культуры. Сам этот процесс был следствием роста национального самосознания русского народа.

В. Г. Белинский говорил, что время с 1812 г. было великой эпохой для России. «Мы разумеем здесь, — продолжал он, — не только внешнее величие и блеск, каким покрыла себя Россия в эту великую для нас эпоху, но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании»¹.

Герцен говорил, что «это была эпоха Пестеля и Муравьева, университетов и лицеев, 1812 года и Пушкина.

Это было время, опережая которое Радищев своим «Путешествием из Петербурга в Москву» показал, что лучшая русская интеллигенция почувствовала себя свободной от педагогов и садовников, т. е. от иностранных воспитателей и влияний».

Мы знаем, что несколько позже лучшие люди того времени — Веневитинов, Надеждин — указывали, что тогдашняя русская литература есть достояние привилегированных слоев населения, что она оторвана от народа.

Проблема народности продолжала разрабатываться в русском обществе и тогда, когда Ушинский был студентом Московского университета, когда в русском общественном мнении сложились два направления: славянофилов и западников.

Известно, что Московский университет занимал особое положение в истории русской науки и культуры в николаевское цар-

¹ Белинский. Педагогические сочинения, стр. 158. СПб. 1914.

ствование. Несмотря на наличие отсталых, допотопных, или, как говорил Герцен, «допожарных» профессоров (имея в виду пожар Москвы 1812 г.), университет деятельностью лучшей части своей профессуры — Грановского, Редкина, Чевелева и др. — обеспечивал студентам глубокое, содержательное умственное развитие.

Это проявлялось в наличии, создании и развитии кружков «петрашевцев», Станкевича и Белинского, Герцена и Огарева и более мелких кружков, которые увлекались изучением философии, в которых с энтузиазмом читалась литература о французской революции и о новой школе французских социологов, в которых изучалось учение социалистов-утопистов.

Герцен называет Московский университет в это время «Севастополем» русской науки и русского образования, подчеркивая этим, что, как Севастополь в 1855 г. мужественно выдержал мощную осаду иностранных интервентов, так и Московский университет выдержал те гонения, которые обрушивались на него со стороны правительства и в первую очередь со стороны самого Николая I, никогда не желавшего признавать Московский университет и за все время своего царствования ни разу не побывавшего в этом светоче и храме науки и культуры.

Нет ничего удивительного в том, что именно здесь получил Ушинский материал для самостоятельной умственной работы. Он продолжал в университете выработанную им еще в гимназии своеобразную систему самообразования. Общая научная атмосфера Московского университета и сплоченная солидарность студенческой среды обеспечивали ему внутреннее глубокое умственное развитие. Его в это время, так же как и других его товарищей студентов и руководителей этих студентов — профессоров, волновала проблема народности. Уже в стенах университета, будучи вообще чрезвычайно самостоятельным в своих мнениях и оценках, он считал, что как славянофилы, так и западники, каждое течение в отдельности внутри себя, дают односторонние направления в решении вопросов будущего России.

Результат своих творческих исканий он опубликовал очень скоро по окончании им университета. Его лекции как профессора Ярославского Демидовского лицея и, в частности, его актовая речь «О камеральном образовании» потому и являются определенным элементом развития русской науки и культуры, что в них он разрабатывал проблему народности.

В своих лекциях Ушинский говорил, что без самобытности нет народной жизни. Он требовал нового подхода к науке и образованию. Он требовал от науки и образования стать средствами улучшения народной жизни. Он звал при построении науки исходить из действительности, а не из метафизических предположений. Он говорил, что задача науки — раскрыть законы и истин-

ные причины фактов и явлений, а не давать рецептов, облакая их в «наукообразную» форму.

Система камерального образования, представителем которой был Ушинский, как окончивший юридический факультет и как читавший в Ярославском Демидовском лицее свои лекции на эту тему, представляла собой соединение естественных наук с юридическими, имела большое значение в хозяйственной жизни и покоилась на науках, разработанных в основном немецкими теоретиками.

Ушинский раскритиковал существовавшую в его время систему камеральных наук и каждую науку в отдельности, причем и в каждой науке и во всей системе он нашел общие порочащие их элементы.

Он говорил, что, претендуя на научность, все эти науки — не что иное как рецептура. Тем самым он подтверждал то, что говорил Герцен о немецкой науке, когда он писал, что вечная ошибка немецкого ума — взять широкую философскую идею и испортить ее скудным воплощением.

Ушинский считал, что в основу экономических наук должно быть положено изучение родины, семьи, общества, народнохозяйственной деятельности, народных юридических понятий, местных условий жизни. Его голос, обращенный к подрастающему поколению русских людей через лекции о камеральном образовании, был голосом одного из первых ученых, требовавших всестороннего экономического изучения народной жизни, всестороннего изучения бытовой, промышленной, хозяйственной, юридической сторон народной жизни.

Позже, когда Ушинский в 1854 г. включился в учительскую деятельность и определил свое жизненное призвание, он в первых своих статьях опять возвращается к проблеме народности. В первой своей статье «О пользе педагогической литературы» он говорил о необходимости самостоятельной педагогической науки и о ее народности.

«Педагогическая литература необходимо должна быть самостоятельной и народной, ибо воспитательная деятельность без сомнения принадлежит к образцам разумной и сознательной деятельности человека. Самое понятие воспитание есть создание истории. В природе нет его».

В следующей статье «Три элемента школы», написанной в 1857 г., Ушинский на конкретном сравнении английского и французского воспитания говорил:

«Учебные закрытые английские заведения оказывают влияние на характер воспитанников. Очень велико это влияние, особенно если сравнивать его с крайним воспитательным бессилием коллегий и пансионов Франции. Происходит это потому, что воспита-

тельная сила английской школы употребляется ими для развития в воспитанниках народной английской идеи образованного джентльмена».

Но наибольшую разработку проблема народности, как идея педагогики, получила у Ушинского в его статье «О народности в общественном воспитании», являющейся как бы введением ко всем другим его работам.

Предпринимая попытку обоснования идеи народности, Ушинский понимал, что он совершает работу, поставленную не только процессом развития русской педагогики, но он отвечает на вопрос, который поставлен как важнейший процессом развития мировой педагогики.

В своей статье Ушинский приводит мнение о немецком и английском воспитании ряда педагогов: Губера, Визе, Сельстрама, Дистервега. Цитируя их, он показывает, что каждый из этих педагогов, не удовлетворенный системой воспитания в своей стране, ставит вопрос о соответствии воспитания народности. Ушинский даже показывает, что некоторые педагоги находят частные решения этой проблемы, «но нигде, — говорит он, — немцы, почувствовав связь воспитания с народностью, не доводят этого принципа до правил, методов, способов воспитания».

Выдвигая свой принцип народности как основу воспитания и педагогики, Ушинский понимал, что он выступил разоблачителем немецкой теории воспитания, «объявившей претензию на всемирность и всеобъемлемость», — как говорил он. Разоблачая эти самонадеянные, необоснованные претензии немецких педагогов на универсальность, Ушинский показал, что в действительности немецкая педагогика стремится воспитать только настоящего немца.

Стремясь построить свои выводы на изучении действительности реальных фактов и явлений, Ушинский в своей статье дает анализ общих и особенных различных черт воспитания у разных народов и с неотразимой убедительностью показывает, что, «если бы все педагогические писатели различных наций сошлись вместе, как сходятся их сочинения на нашем столе, то они пришли бы к убеждению, что система общественного образования у каждого народа запечатлена его характером и отражает достоинства и недостатки этого характера, которые иногда так соединены между собой, что разделить их невозможно».

Считая, что каждый народ не может развиваться, не усваивая результатов, добытых его предшественниками и современниками, Ушинский, однако, решительно возражал против попытки создать единую, совершенную, самую лучшую, прекрасную систему воспитания, собрав в ней все лучшее, что есть в системах воспитания различных народов: он утверждал, что такая составленная система воспитания была бы бессильнее всех других ярко выра-

женных национальных систем и она имела бы самое ничтожное влияние на развитие народа.

Причину этого он находил в том, что, вопреки измышлениям немцев, искусственно выделенное из общей жизни школьное воспитание далеко не составляет всего воспитания народа. Есть целый ряд других факторов народной жизни — все, из чего складывается историческая жизнь народа. Вот это и составляет действительную школу, подчеркивает Ушинский, перед силой которой сила учебных заведений, особенно построенных на началах искусственных, — совершенно ничтожна.

Невозможно, говорит он, так изолировать воспитание, чтобы окружающая его со всех сторон жизнь не имела на него влияния. Поэтому искусственная система воспитания, созданная механическими заимствованиями, дает очень малый, ничтожно малый, а часто и очень вредный эффект.

Ушинский указывал на органическое сращивание воспитания с народностью, с ее интересами и потребностями. Тем самым, — на что мы должны обратить внимание, и на что, мне кажется, не обращается достаточно внимания в педагогической литературе, — тем самым Ушинский по-новому ставил вопрос о природосообразности воспитания, который выдвинули Коменский, Руссо и Песталоцци. У них этот принцип носил индивидуально-психологическую форму: все правила, методы и способы педагогического воздействия должны быть согласованы с природными склонностями, умственными, нравственными способностями данного конкретного ребенка и детей вообще, имеющих отличную от взрослого человека природу.

По мнению Ушинского, процесс воспитания есть процесс человеческой истории. В природе этого процесса нет.

«Человек в его идеологическом содержании есть результат двух элементов, — говорит Ушинский, — элемента природного, коренящегося в организме человека, биологическом организме человека, и элемента духовного, который есть результат воспитания и обстоятельств».

Эти два элемента взаимно воздействуют друг на друга. При этом неверно говорить, что телесное определяет духовное. Родители передают детям, говорит Ушинский, не только прирожденные биологические склонности, они передают своим детям все то, что сами они усвоили от предшествующих поколений в человеческой истории. И очень часто духовное, говорит Ушинский, влияет и преобразует природное.

Ушинский не согласен с лозунгом древних, что «в здоровом теле здоровый дух». Он говорит, что практика действительности говорит часто о том, что люди, имеющие очень болезненный организм, обладают исключительной высотой духа и заставляют свои

минимальные физические силы служить их высокой духовной организации.

Если мы посмотрим, говорит Ушинский, на природу, то мы должны сказать, что природа прежде всего и раньше всего запечатлевает в человеке народные черты. Мы никогда не спутаем между собой по внешнему виду китайца, француза и англичанина. Есть какой-то определенный национальный природный склад человека, и природа раньше всего и больше всего запечатлевает в человеке именно народность.

Но главное заключается в том, что не природное — биологическое передается человеку, а человеку как продукту истории передается по наследству от предшествующих поколений весь тот уровень культуры и знаний, которых добилось это человечество в своем предшествующем развитии.

Итак, жизнь, естественная жизнь, запечатлевает в человеке прежде всего народное и в природном и в духовном отношении. Кроме этого естественного, природного, причем действующего как бы стихийно, независимо от воли человека, имеется и известная осознанность действий народа по передаче народности подрастающим поколениям.

Когда Ушинский хочет ответить на вопрос, почему немецкая, французская, английская, американская системы воспитания имеют свой особый, определяющий их облик, он говорит, что это происходит потому, что каждый народ имеет свой идеал характера человека и этот идеал он хочет осуществить в каждом своем представителе, в каждой личности, этот идеал он хочет реализовать через воспитание.

Человек, чтобы осуществить себя в жизни, должен иметь силу характера. Сила характера очень часто не зависит от содержания. Содержание может быть использовано и в хорошую и в дурную сторону.

Человек может действовать и дурно и хорошо. Ушинский согласен с Гербартом, с немецкими педагогами в том, что воспитание просвещает сознание человека, что воспитание показывает человеку дорогу добра. Но, говорит он, очень трудно вести человека по этой дороге добра, если у воспитателя нет силы, на которую он все время опирается, учитель не сможет подавлять в воспитаннике и воспитанник не сможет подавлять в себе дурные склонности и дурные стремления. Ушинский верит, что в людях больше хорошего, чем дурного. Но это хорошее так по-разному проявляется, говорит Ушинский, в разное время и часто бывает так скрыто у человека, что нужна какая-то прочная, сильная база, опираясь на которую воспитатель может действительно помогать воспитаннику выявлять себя только в хорошем.

Ушинский говорит, что есть только одна склонность которая, имея вид прирожденной склонности, потому именно и сильна, — это народность.

И дальше Ушинский произносит известные слова: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству»; у человека из всех его духовных свойств и черт позднее всех гибнет именно эта; как бы человек ни был оторван от своей родины, как бы он ни был вкоренен в жизнь другого народа, — он очень долго будет там каким-то инородным телом.

Ушинский не случайно взял эти слова для аргументации своего положения о том, что народность — не только естественна, но и неизбежно необходима в воспитании, когда он сопоставляет самолюбие и любовь к отечеству.

Ушинский в своих статьях много говорит об иезуитской педагогике. Он признает, что иезуитская педагогика умеет добиваться результатов, что с помощью иезуитской педагогики воспитанию обеспечен большой эффект — там, где ею пользуются с мастерством.

Но Ушинского не удовлетворяет основной рычаг, которым пользуется эта педагогика, — личное, индивидуальное самолюбие. Ушинский понимал свою педагогику как более высокий этап человеческой истории, чем подготовка воспитанника к индивидуальному счастью и личному преуспеванию.

До Ушинского педагогика в лице иезуитов считала большой силой индивидуальное самолюбие, как рычаг к тому, чтобы заставлять воспитанника делать то, чего хочет воспитатель. Герbart считал, что одной из основных сил, обеспечивающих воспитание, сообщающих ему положительную силу, является управление, т. е. подавление свойств и порывов ребенка. Ушинский выдвинул новый принцип — любовь к своему отечеству, любовь к своему народу, — опираясь на который педагогика может совершенствовать человека во всех отношениях.

К 60-м годам XIX в. в литературе и в других областях общественного сознания — философии, социологии, искусстве, — проблема народности была решена в том смысле, что русская культура, а следовательно, и отдельные ее части есть дело общенародное, а не достояние только привилегированных классов. Наибольшую разработку и положительное разрешение эта проблема получила в учении революционеров-демократов — Белинского и Герцена. Таким образом, постановка вопроса Ушинского есть не что иное как закономерное отражение в педагогике разработки общей проблемы русской культуры.

Справедливое заключение о самостоятельном развитии русской науки Ушинский применил к Отечественной теории воспитания. Он перенес в педагогику положительный результат работы

русского общества по отысканию национального лица русской культуры. Однако Ушинский отличался от передовых людей 40-х годов своими взглядами, что дало иное понимание им проблемы народности в ее отношениях к общечеловеческому и национальному элементам.

Ушинский, несмотря на то что он отличался в политических и гносеологических своих установках от революционеров-демократов, являлся выразителем прогрессивных тенденций своего времени — приблизить науку к нуждам народа, сблизить ее с действительностью, заставить педагогику отвечать народным потребностям и развивать народ согласно историческим перспективам его будущего.

Это содержание педагогики Ушинского обеспечило тот патриотизм, демократизм и гуманизм, которые проникают собой все его учение.

Своим примером став в уровень с западноевропейскими мыслителями, показав, что проблема народности есть назревшая проблема мировой педагогики, и дав решение этого вопроса, Ушинский разбивал враждебные утверждения и злостные выдумки о культурной неполноценности русской интеллигенции. Он требовал от самодержавия и аристократии, отрицавших способности народных масс к культурному и воспитательному творчеству и придерживавшихся политики механического заимствования внешних форм европейской культуры, признать способность русского народа к творческому построению самостоятельной системы воспитания. Он требовал, опираясь на принцип народности, передачи дела развития народного образования из рук офранцуженной аристократии и онемеченных чиновников в руки представителей народа и тех слоев русской интеллигенции, которые живо ощущали народные нужды и потребности.

Он протестовал против попыток культурного и педагогического порабощения России. Он утверждал способность русского народа к педагогическому творчеству.

Идея народности, обоснованная и переработанная Ушинским, как один из очередных этапов развития мировой педагогики, являлась в то же время в нашей стране такой идеей, на базе которой Ушинский сумел оформить все положительное содержание предшествовавшего ему педагогического развития нашей страны, отделив педагогику, которая до сих пор растворялась в других областях общественных наук, от этих наук и создав особую, оригинальную, вполне научную систему отечественной педагогики.

Он подводил также итог развития мировой педагогики. Вместо принципа природосообразности, выродившегося или модифицировавшегося в принцип индивидуально-психологический —

основы педагогики, — он ставил основой воспитания народно-психологические элементы. Он поднимал педагогику на более высокий методологический уровень, показав в своих статьях расхождение между попытками немецких педагогов и их результатами. Они претендуют на всеобщность, а фактически их теория есть только теория немецкого воспитания; они говорят о создании научной педагогики, а фактически их педагогика есть сборник надуманных, получивших наукообразную форму рецептов, советов и мелких правил.

Выдвинув в своих первых статьях принцип народности как организующий принцип педагогики и воспитания, Ушинский уточнил его указанием на то, что он не есть единственный элемент воспитания. Он определял взаимоотношения между народностью и другими элементами воспитания.

Как известно, второй основой воспитания Ушинский считал религию. Для русского народа Ушинский соединял народность с православием, ибо, по его мнению, из православного вероучения вышли нравственные основания русского общества.

Сам Ушинский в своих теоретических статьях мало занимался разработкой этого вопроса. Он так и говорил: это не является нашей основной задачей. Но следует указать, что религия как второй основной элемент воспитания пронизывает собой всю систему Ушинского и тем самым делает трудной переработку положительного содержания его системы для людей, стоящих на атеистических позициях.

Следует указать, что Ушинский не принимал господствующей обрядовой религии. Известны его высказывания о католических «черных монахах», которые являются символом всего черного на земле; известно его отношение к официально воинствующему православию — отрицательное отношение. Его привлекала нравственная сторона религиозного мировоззрения.

Советская материалистическая педагогика категорически отрицая формулировку идеи Ушинского «нравственность обязательно должна покоиться на религии, вне религии нет нравственности», считает, что нравственность основана на научном фундаменте. Религия не может лежать в основе подлинно-научной системы воспитания. Однако идея Ушинского о глубочайшей связи воспитания с нравственными основаниями общества, где протекает воспитание, и о выявлении в самой общественно-исторической среде тех факторов нравственности, на которые нужно опираться при нравственном воспитании, — самая эта идея заслуживает глубочайшего нашего внимания.

Третьим элементом, который вместе с народностью и религией является основой воспитания, как известно, по мнению Ушинского,

является наука. Это есть совокупность определенных исторически выработанных научных истин, результатов общечеловеческого развития. Наука интернациональна — это не перестает повторять Ушинский. В науке только национальным может быть способ обработки материала.

Наука имеет, по мнению Ушинского, свою специфическую особенность, свою роль и значение в воспитании. Она есть одна из главных сторон воспитания, но не главная, не самая важная. Она развивает сознание. Развитие сознания, без сомнения, — одна из главных целей воспитания, говорит Ушинский, и истинные науки являются орудием для этого развития. Но мало развивать сознание с помощью науки, надо еще уметь прилагать знания к делу. Это тоже дело научного образования.

Общечеловеческие интернациональные результаты науки воспринимаются человеком не индивидуально, переработка и усвоение научных данных не есть процесс развития одной только данной индивидуальной личности, а личность входит в общественный народный организм.

Для того чтобы лучше усвоить, правильней усвоить общечеловеческие истины, личность должна подняться на уровень народного сознания. Тесная связь существует между народностью и наукой, говорит Ушинский.

Эти две стороны воспитания не лежат одна обособленно от другой, они проникают друг друга, они составляют известный синтез. Так они и должны подаваться в воспитании.

Ко времени Ушинского русская мысль понимала необходимость синтезирования в педагогике двух моментов: общечеловеческого и национального, и сделала в решении этого вопроса большие успехи.

Ушинский продолжал эту работу, придавал ей большую всеобщность и вместе с тем конкретность, создав на основе синтезирования общечеловеческого и национального учебный план, методы, формы учения, учебные книги для русской начальной школы.

Ушинский говорил: русское воспитание не поддается и не поддается нашим усилиям до тех пор, пока мы не примирим в себе европейское образование с живущими в нас элементами народности.

Ушинский с позиций народности критиковал современную ему систему воспитания за ее распадение на две сферы, на два круга, не связанных между собой: имеется официальная педагогика, насаждаемая царской бюрократией и высшим дворянством, — она не связана органически с жизнью и историей народа; она есть цепь отдельных мероприятий и реформ, причем каждая последующая форма отрицает предыдущую. Она есть плод бюрократи-

ческих выдумок, капризов и произвола случайных людей. И имеется народная педагогика, состоящая из элементов, созданных народом в ее последовательной тысячелетней истории.

Ушинский считал, что в его время должен произойти синтез этих двух сфер русского воспитания. Педагогика как система русского воспитания должна быть сформирована из тех элементов культуры, которые систематически и последовательно создавались народом в его истории. Это прежде всего язык и народная словесность. Вот те элементы культуры русского народа, с помощью которых он воспитывает свое подрастающее поколение и которые должны войти как предмет изучения в систему воспитания русских людей.

Усвоение этих элементов культуры народа определяет нравственный и умственный подъем ребенка на уровень народного сознания. Осваивая эти элементы народной культуры, человек из сферы индивидуальной переходит на более высокую ступень коллективной жизни. Он отказывается от эгоистического и индивидуального в угоду своей любви к родине, своей любви к народу. Усваивая мировоззрение народа, человек получает определенную силу характера, его убеждения получают силу наклонностей, ибо они тесным образом связываются с прирожденными. Природные русские педагоги, говорит Ушинский, понимали инстинктивно и знали по опыту, что моральные сентенции приносят детям больше вреда, чем пользы, и что мораль заключается не в словах, а в самой жизни, охватывающей ребенка со всех сторон.

Как известно, наиболее активным и эффективным элементом воспитания детей в народном духе, поднимающим их на уровень народного сознания и тем самым дающим им возможность приобщиться к общечеловеческому, Ушинский считал родной язык. Ушинский считал, что народность не сводится к языку, язык и народная словесность — более высокие элементы народной культуры. В языке и в народной словесности нашли свое отражение другие элементы человеческой жизни, народной жизни: природа, быт, история, духовная жизнь. Поэтому обеспечение народности не может сводиться только к языку, — оно требует изучения естественных наук, родной природы, географии, как науки, которая, как говорит Ушинский, лежит между историей и природоведением.

Известно, что Ушинский готовил специальную книгу, как продолжение «Родного слова», географического содержания, но не успел этого сделать вследствие своей болезни и ранней смерти.

В систему воспитания подрастающего поколения должна входить история родной страны и та литература, которая стала выражением народной жизни. Мы знаем, что этот же принцип применял и Белинский к определению того, действительно ли данное

произведение литературно и действительно ли данное произведение народно. Оно литературно потому, что оно народно, и наоборот, говорил великий русский критик.

Эти установки Ушинского получили свое применение в «Родном слове» и «Детском мире» и в его учении о русской народной начальной школе. Ушинский гозорит, что изолированное учение языку от всякого другого образования есть дело мертвое и схоластическое и оно не даст положительных результатов.

Все эти идеи Ушинский разработал и оформил в определенном оригинальном курсе реальных пропедевтических знаний начального образования, преследующем цель умственного и нравственного развития ребенка. Но, по мнению Ушинского, для того чтобы обеспечить народность воспитания и для того, чтобы способствовать умственному и нравственному развитию человека, мало ввести в школы правильное содержание. Школа, для того чтобы быть народной, должна базироваться на труде.

Когда у нас гозорят о народности в понимании Ушинского, очень часто забывают, что школу Ушинский понимал как школу трудовой деятельности. В отличие от многих своих предшественников и современников, Ушинский, исходивший всегда из действительности, ценен нам тем, что он изучил и показал тот специфический труд, которым занимаются в школе. Он не понимал этот труд грубо механистически: что трудовое обучение — это значит занятия в столярной, механической и других мастерских. Трудовое обучение в школе — это есть обучение с помощью средств умственного труда. Школа есть место и сфера применения умственного труда ребенка.

В этом учении Ушинского о труде применительно к школе он на конкретном примере показал свой метод синтезирования народных и общечеловеческих начал. Русскому народу, говорил он, присущ особый взгляд на обучение как на процесс серьезный, трудный, требующий огромных усилий.

Сам Ушинский прошел через целую школу, систему самообразования, и ему именно, опираясь на идею народности, свойственно особое дидактическое представление о том, что такое процесс обучения. Это не есть процесс, когда учащийся самостоятельно учится. Это не есть процесс, когда учитель учит ученика, не опираясь на его внутренние силы. Это есть процесс, когда ученик учится под руководством учителя, когда все, что он может сделать самостоятельно, он делает самостоятельно.

С этих позиций Ушинский критиковал как старую схоластическую школу, подгонявшую ребенка палкой, так и современную ему «потешающую» школу, превращающую занятия умственным трудом в развлекательные занятия. «Мечтать легко, а думать

трудно», — говорил Ушинский, — и к этому трудному осмысленному раздумью должен приучать педагог.

Не народна та школа, которая не воспитывает у человека любви к труду.

Ушинский разработал целую систему активных способов обучения, составляющих специфическое индивидуальное лицо его дидактики. Считая, что в западноевропейской педагогике ценным для его времени являлась теория элементарного обучения, сформулированная Песталоцци, Ушинский дал свою теорию элементарного обучения на новом учебном материале и при новых способах обучения.

Ушинский как в обосновании принципа народности, так и в практическом воплощении его теории в жизнь, никогда не звал к шовинизму. Мы знаем, что его теория в практике русской жизни способствовала в условиях царизма развитию национальной школы, а через школу — национальной культуры целого ряда народов. Учебные книги армян, грузин, чувашей, мари и других народов, разработанные и составленные по способу Ушинского и согласно с идеей Ушинского, обеспечивали этим народам в семье всех народов нашей страны подъем на более высокую культурную ступень.

Отдавая должное великой памяти нашего великого предшественника, великого русского патриота, мы не должны также забывать, что на его книгах, основанных на принципах народности, — «Родное слово» и «Детский мир» — воспитывалось огромное количество русских людей, которым Ушинский стремился привить любовь к родине.

УЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО О МЕТОДАХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Охватить всесторонне в одном докладе все учение Ушинского о нравственном воспитании учащихся нет никакой возможности.

В этом учении наряду с прогрессивными, ценными чертами есть и отжившие, консервативные, неприемлемые для нас.

Остановимся поэтому лишь на отдельных вопросах, наиболее созвучных нашей современности.

Об умственном и нравственном воспитании

Ушинский отвергал распространенное положение о том, что стоит человеку поучиться, поумнеть, и он будет действовать, руководясь не личными, а общественными интересами.

Ушинский приводит множество примеров, доказывающих обратное, а именно, что ум, понимая очень хорошо зло, происходящее для общества от осуществления тех или других личных интересов, тем не менее часто решается на их осуществление именно потому, что они личные. Вот, например, гоголевский городничий и тем более Павел Иванович Чичиков, равно как и судья Ляпкин-Тяпкин не потому кривят душой, что не понимают, что не должно кривить ею; не потому извращают законы и обращают в свою личную пользу свое положение, что не понимают общественной пользы законов и их правильного исполнения. Нет, «чаще всего, — поясняет Ушинский, — мы очень хорошо понимаем, что закон полезен, что исполнение его необходимо для пользы общества, но понимаем также очень хорошо, что неисполнение закона очень полезно для нас самих».

Из приведенных соображений, продиктованных реальной действительностью, Ушинский приходит к тому выводу, что ботанические или зоологические познания или даже ближайшее знакомство с глубокомысленными творениями Фохта и Молешотта не могли бы сделать гоголевского городничего честным чиновником, что будь Павел Иванович Чичиков посвящен во все тайны органической химии или политической экономии, он останется тем же весьма вредным для общества пронырой. Следовательно, самые серьезные знания и умственное развитие не предполагают еще необходимой прочной общественной нравственности. Человек мо-

жет знать тригонометрию, болтать на двух или даже на трех языках, зазубрить исторические и географические учебники и... остаться человеком вполне безнравственным: «наука еще и не дохнула на него».

Критикуя современную ему школу, Ушинский основной порок ее усматривает в формализме.

Наше образование, указывает Ушинский, есть образование формальное; у нас обыкновенно говорят, что развитие душевных сил или способностей должно составлять самое главное в средних учебных заведениях, что если юноша, оканчивающий курс, выкажет значительное развитие, то воспитательное заведение сделало свое дело; от него ничего больше и не потребуется; развитой юноша с известным запасом разнообразных научных сведений может назваться образованным человеком.

Эту «концепцию», заимствованную из-за границы, Ушинский решительно осуждает и, со своей стороны, утверждает, что никак нельзя признать школу исполнившей свое назначение, если она дает лишь одно формальное развитие, так как можно быть человеком развитым и образованным так, как понимается образование в наше время, но без всякого направления своих душевных сил; можно даже казаться человеком с убеждениями, но без всякого стремления к деятельности, каковыми и оказывались обыкновенно юноши его времени.

Убежденный в том, что нравственность не есть необходимое следствие учености и умственного развития, Ушинский одновременно был убежден и в том, что воспитание семейное и общественное вместе с влиянием литературы, общественной жизни и других общественных сил может иметь сильное и решительное влияние на образование нравственного достоинства в человеке; но для этого школьное обучение должно быть воспитывающим.

Отсюда проистекает его вывод о том, что «влияние нравственное составляет главную задачу в воспитании, гораздо более важную, чем развитие ума вообще»; что знание и развитие в образовании нужно слить так, чтобы на их основе выработать твердые убеждения в тесной связи с человеческими и гражданскими интересами.

В этой формуле находим четкое выражение единства задач умственного и нравственного воспитания, как двух неразрывных сторон педагогического процесса.

О психологических основах нравственного воспитания

Известный догмат Гербарта гласит: «Из представления возникают чувства, а из чувств — правила поведения и образ действия».

Этот догмат не выдерживает критики в своей современной научной психологии. Но он еще в 60-х годах XIX столетия был блестяще опровергнут Ушинским, доказавшим, что чувствования могут порождаться в душе без всякой борьбы представлений, как отзывы ее на органические изменения, как рождаются в ней ощущения звука или света в ответ на вибрацию слуховых или зрительных нервов и страдания голода или жажды в ответ на специальное состояние организма.

Человеку недостаточно видеть наведенное на него ружье, чтобы почувствовать страх; он должен еще понимать, какая опасность грозит ему в этом случае.

Но и одного этого понимания недостаточно. Если мы представим себе человека, который вовсе не боится смерти, то заряженное ружье, на него наведенное, не возбудит в нем никакого страха. Следовательно, для того чтобы почувствовать страх в данном случае, надобно еще бояться смерти, т. е., другими словами, надобно носить в себе стремление к жизни. Вот этого-то последнего условия и не заметили Гербарт и его последователи, выведившие все чувствования только из взаимного отношения представлений.

Всякое новое представление, входящее в душу ребенка, непременно имеет свой особый чувственный характер, и в памяти дитяти сохраняется не только след самого представления, но и след того чувства, с которым оно было воспринято душой. Из этих чувственных следов возникают проникнутые разнообразнейшими чувствованиями вереницы и сети; все они вместе составляют то, что мы называем строем души. Новое представление, входя в душу ребенка, относится уже не прямо к его прирожденным стремлениям, а к тому строю души, который выработался из стремлений через посредство жизненного опыта.

Таким образом, не только представления, но и чувства являются силой, побуждающей нас к деятельности.

Как известно, Гербарт считал чувства помехой в нравственном поведении. Ушинский опровергнул это положение и показал, что чувства являются силой весьма могучей, часто гораздо большей, чем представления или понятия.

Наши поступки выходят из наших желаний, а наши желания — из чувствований, испытываемых нами при удовлетворении или неудовлетворении наших стремлений. Отсюда вытекает само собою практическое значение наших чувствований.

Часто, например, человеку кажется, что он бескорыстен, доброжелателен в отношении других людей и искренно любит друзей своих; но пусть он внимательно прислушается к тому, каким звуком отзовется его сердце на новость о неожиданном обогащении или возвышении его друга. Если сердце его издаст звук веселый,

то он может заключить, что у него действительно доброе сердце и что он искренно любит своего друга; если же звук этот будет печален, то пусть человек изменит мнение о своем сердце и о своем отношении к друзьям. Мы можем в мыслях считать себя большими героями, но только в чувствах наших, отзывающихся на опасности, мы можем узнать, действительно ли мы герои.

В душу нашу ложатся следы не простых, но проникнутых чувствами представлений, не простые абрисы сознания, но раскрашенные чувствами картины.

Перетряхивая цепь наших воспоминаний, мы слышим прежние звуки. Одни звенья этой цепи, звучавшие когда-то так сладостно или болезненно, издают теперь какой-то глухой, неопределенный, чуть слышный звук; другие не издают уже почти никакого, хотя мы ясно помним, как сильно звучали они прежде.

Третьи, наконец, к нашему изумлению, совершенно переменили свой тон и звучат, например, печально, когда прежде звучали радостно. Это изменение прежних чувствований есть самое верное мерило наших душевных перемен, перемен в самом строе нашей души, от чего изменяется и резонанс ее, когда по ней ударят новые впечатления.

Таким образом, Ушинский признает огромную роль наших чувств, что роднит его с материализмом, но он в то же время признает и власть над ними нашего сознания — идей и убеждений. Это уберегло его от фатализма, от которого не свободны как интеллектуалисты, так и эмоционалисты.

Вместе со Спинозой и Локком Ушинский утверждает, что человек может воспитывать свои чувства, т. е. может по своей воле придавать тот или иной строй своей душе; что если такое действие разума на чувствования возможно через влияние на подбор наших представлений и через них на целый строй души, мы можем давать пищу одним наклонностям и усиливать их за счет других и, следовательно, участвовать нашей волей в настроении нашей души, от которого зависит и самый характер чувствований.

Мы можем противиться власти органических чувствований на нашу сознательную деятельность. Мы часто и представить себе не можем, как эта власть человека над чувствами неизмеримо велика.

Вот, например, Степан Разин, мог молчать или смеяться, когда московские палачи употребляли все свое искусство, чтобы вызвать у него крик боли. Оператор, спокойно слушающий крики больного и продолжающий твердой и спокойной рукой операцию, может быть, в то же время гораздо сострадательнее иной слабой нервной дамы, которая падает в обморок при малейшем крике

страдания и в то же время преспокойно мучит своего мужа, детей или прислугу.

Конечно, порок, уже образовавшийся, может в известной степени находиться вне нашей власти, но мы должны и можем обуздать страсть, прежде чем она стала свирепствовать.

Эту мысль, по мнению Ушинского, в софистической форме, но очень верно выразил Руссо, который, говоря о вменяемости преступлений, сказал о преступниках: «Конечно, от них более не зависит не быть злыми и слабыми, но от них зависело не сделаться такими». Софистический оттенок есть в этой мысли, но в сущности своей она признается Ушинским совершенно верной психологически.

Итак, человек может оказать на чувствования (свои и чужие) весьма сильное влияние, гораздо более сильное, чем он сам думает.

Если считать, что в чувствах человек не волен, правильно подчеркивает Ушинский, то мы должны бы признать бессилие воспитания, так как ставить человеку в достоинство или в упрек его чувствования было бы так же неправильно, как ставить ему в достоинство или в укор его физические преимущества и недостатки.

Ушинский, таким образом, преодолел не только механицизм интеллектуалистической концепции, но и фатализм эмоционалистической концепции. В противовес этим односторонним учениям, сводившим процесс воспитания к формированию одних лишь представлений или чувств, Ушинский развил свой взгляд на нравственное воспитание как на процесс разностороннего развития личности, имеющий целью научить жить, что обозначает по его словам: «чувствовать, мыслить и действовать».

О сущности и задачах нравственного воспитания

Прежде всего Ушинский разоблачает господствовавший тогда в обществе поверхностный, узко формальный и карьеристический взгляд на то, что представляет собой воспитанный человек.

Понятие воспитанного человека, по Ушинскому, весьма широкое понятие. А между тем хорошо воспитанным человеком зовут иногда того, кто умеет хорошо повязать галстук, держать себя по моде, болтать на иностранных языках, поддерживать разговор в гостиной, нравиться дамам и пр.

В отношении воспитания женщин понятия бывают еще более странными: воспитанная девушка должна уметь пустить пыль в глаза, пробежать небрежно трудную арию, соединять наивность с холодным рассудком, под ласковой улыбкой скрывать самые неласковые движения души; главная цель ее воспитания — поймать выгодного жениха. «Скажите, — вопрошает Ушинский, — как

назвать тех воспитателей, которые решатся удовлетворять таким требованиям. Называйте их, как угодно, только, ради бога, не воспитателями».

В противовес этому хорячему представлению о воспитанности Ушинский на первое место в воспитании выдвинул задачу формирования сознания, т. е. определенных идей или убеждений, гражданских и человеческих интересов.

Невозможно развивать душу ребенка, не внося в нее определенных убеждений. Не давая детям определенных убеждений, мы можем воспитать в них полных скептиков, не способных к убеждению. Далее, нравственное воспитание заключается в пробуждении и развитии нравственных чувств, в первую очередь — чувства народности и любви к отечеству.

Ушинский научно опроверг гербартианское утверждение о том, что ребенок воплощает в себе «принцип беспорядка», который-де должен быть подавлен силой, достаточно большой и настойчивой.

В противовес этому мрачно пессимистическому тезису Гербарта, являющемуся не чем иным как реставрированным средневековым учением о первородном грехе, Ушинский выдвинул диаметрально противоположное утверждение о том, что нет такого сердца, в котором не было бы бескорыстно добрых побуждений, если бы они систематически и упорно не заглушались и извращались воспитанием.

Так, весьма ценным в отношении нравственного воспитания являются прирожденные человеку:

а) потребность общности, которая ощущается в различных формах (потребность ласк, чувство стыда, стремление к товариществу), и главное, б) чувство народности: «общее для всех живое и сильное чувство, дающее педагогу верный ключ к сердцу человека и могущественнейшую опору для борьбы с дурными наклонностями».

«Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественнейшую опору для борьбы с его дурными наклонностями. Обращаясь к народности, воспитатель всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом или привычкой, искорененной строгим наказанием».

в) стремление к сознательной деятельности и вытекающее из него трудолюбие. Труд тяжел, но совершенно невыносимо для человека безделье. Суть деятельности в преодолении препятствий; стремясь к ней, человек (в том числе и дитя), следовательно, стремится к преодолению препятствий.

Подчеркивая положительное значение указанных склонностей человека, как необходимой психологической опоры в воспитании, Ушинский в то же время резко осуждает современную ему педагогическую практику, культивировавшую в ребенке «самое отвратительное чувство» — страх, являющийся «самым обильным источником всех пороков», и подавлявшую в нем (в ребенке) одно из ценнейших его естественных качеств — смелость, без которой невозможна ни благородная деятельность, ни порядочный образ мыслей, ни самостоятельность характера.

Ушинский беспощадно бичует и другую весьма распространенную тогда, но вредную тенденцию в воспитании — заласкивания и изнеживания ребенка, избавления его от серьезного труда и напряжения усилий, от всяких обязанностей и чувства долга. Эта «педагогическая линия», не давая никаких упражнений воле ученика, весьма мешает развитию в нем трудоспособности, ответственности и самостоятельности характера.

Ушинский, далее, придавал огромное значение в плане нравственного воспитания выработке твердых навыков и привычек, в особенности — привычки упорно трудиться и разумно отдыхать.

Добрая привычка, по выражению Ушинского, есть нравственный капитал, капитал этот растет беспрестанно, и процентами с него пользуется человек всю свою жизнь. Капитал-привычка дает человеку возможность плодотворнее употреблять свою драгоценнейшую силу — силу сознательной воли, возводить нравственное здание своей жизни все выше и выше, не начиная каждый раз своей постройки с основания и не тратя своего сознания и своей воли на борьбу с трудностями, которые были уж раз побеждены.

Возьмем для примера привычку к порядку в распределении своих вещей и своего времени. Сколько такая привычка, обратившаяся в бессознательно выполняемую потребность, сохранит и сил и времени человеку, который не будет принужден ежеминутно призывать свое сознание необходимости порядка и свою волю для установления его.

Сколько превосходных начинаний и отличных людей пало под бременем дурных привычек. Если бы для искоренения вредной привычки достаточно было одновременного, хотя самого энергичного усилия над собой, тогда не трудно было бы от нее избавиться. Но в том-то и беда, что привычка, установляясь понемногу, искореняется лишь после продолжительной борьбы с нею. Если бы человек не имел способности к навыку, указывает Ушинский, он не мог бы подвинуться ни на одну ступень в своем развитии, задерживаемом беспрестанно бесчисленными трудностями, освободив ум и волю для новых работ. Вот почему то воспитание, которое упустило бы из виду сообщение воспитанникам полезных навыков и заботилось бы единственно об их умственном

развитии, лишило бы это самое развитие его сильнейшей опоры. А именно эта ошибка была присуща современной ему школе.

Воспитание убеждений означает, по Ушинскому, такое просвещение сознания человека, при котором перед глазами учащегося лежала бы ясно дорога добра. Но этого мало. Каждый из нас видит прямую дорогу, но многие ли могут похвалиться, что никогда не уклонялись от нее?

Большей частью убеждения, принятые в жизни, живут в человеке до самой смерти как нечто чужое и принудительное, готовое оставить нас при первом взрыве страсти. И вот превращение убеждений в привычки является, по Ушинскому, самым важным показателем воспитательного эффекта учения.

Задачей нравственного воспитания, наконец, является развитие и укрепление воли и характера, выработка умения приложить свои знания и убеждения, чувства и привычки к делу.

Если неумение наше учить детей велико, то еще гораздо больше неумение наше действовать на образование в них душевных чувств и характера. Тут мы положительно бродим впотьмах, тогда как наука предвидит уже полную возможность внести свет сознания и разумную волю воспитателя и в эту, доселе почти недоступную область.

Еще меньше, чем душевными чувствами умеем мы пользоваться волею человека — этим могущественнейшим рычагом, который может изменять не только душу, но и тело с его влиянием на душу.

Только в результате указанного разностороннего воздействия на воспитанника в нем может образоваться надлежащая сила характера, составляющая основание подлинного человеческого достоинства. Как всякая сила, она может играть разрушительную или созидательную роль, смотря по направлению, которое ей дано. Точно так же и чувства сами по себе не хороши и не дурны, могут быть источником как нравственных, так и безнравственных поступков, в зависимости от тех идей, которыми они направляются.

Таким образом, нравственный облик человека определяется его убеждениями, но это, однако, может иметь место лишь тогда, когда они приобретают силу наклонностей. Идеи воспитания должны переходить в убеждения воспитанника, убеждения — в привычки, а привычки — в наклонности, — таков должен быть, по Ушинскому, процесс нравственного воспитания. В этой формуле преодолена односторонность не только интеллектуалистической, но и эмоциональной и волюнтаристической концепций воспитания.

Из этой формулы, раскрывающей процесс нравственного воспитания, вытекают и те методы, при помощи которых оно может и должно осуществляться на практике.

Пути и средства нравственного воспитания

Обучение как могущественнейшее средство воспитания. Если нравственное поведение человека определяется его убеждениями, то ясно отсюда первоочередное значение содержания обучения, т. е. тех конкретных представлений, знаний и идей, на которых нравственные силы учащегося формируются.

Широко известна дискуссия Ушинского с Пироговым по поводу классического образования, в которой он выдвинул положение, что преимущественное изучение того, что завещал нам классический мир, никак не может одно ввести человека в современную жизнь в Европе; что изучение древних классических писателей не сделает человека человеком и никак не может способствовать тому содержанию науки и жизни, которое признает необходимым каждый, кто желает истинного прогресса; что преимущественное изучение классической древности, основанной на историческом предании, от которого не может оторваться Западная Европа, больше всего мешает до сих пор действительно содержанию науки и жизни.

Все эти мысли Ушинского нельзя не признать глубоко прогрессивными для его времени, при этом следует учесть, что Ушинский не отрицал положительной роли изучения классических языков и классических писателей в развитии ума человека, однако он был убежден в том, что такую же роль играет изучение каждого предмета. Ушинский никак не мог понять, почему именно изучение древних языков Пирогов считает необходимым для высшего общеисторического гуманного образования. Одну лишь ссылку на вековой опыт, которую делает Пирогов, Ушинский считает малоубедительной. Поэтому он требовал от Пирогова, чтобы он «потрудился развить и доказать» выставленные им положения.

В противовес позиции Пирогова Ушинский выдвинул положение о том, что не изучение древних языков, а изучение родного языка нужно поставить во главе гуманного образования, что главным предметом в общем гуманном развитии современного человека должны стать вовсе не классические языки, а родной язык и родная литература. «Не лучше ли, — вопрошал Ушинский, — чтобы человек на своем родном языке выражал сколько-нибудь порядочные мысли, чем на трех выражал свою крайнюю глупость». Под гуманитарным образованием Ушинский понимает развитие духа человеческого, а не одно только формальное его развитие. Человека же можно развить гуманно не только изучением классических языков, но еще гораздо прямее: языком народным, географией, историей, изучением природы, новой литературой.

Отправляясь от цели развития человека и гражданина, Ушинский подчеркивает особо важное значение для гуманного развития современного человека родного языка и родной литературы.

В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; изучая родной язык, ребенок не условным звукам только учится, «нопьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова».

Родной язык и родная литература, по мнению Ушинского, способны более, чем другие учебные предметы, развивать в учениках сочувствие к интересам человеческим и гражданским. Они действуют и на умственную, и на нравственную, и на эстетическую стороны, представляя в то же время богатый материал для мышления.

В этом обосновании ярко выступает стремление Ушинского к достижению полного единства всех сторон педагогического процесса: обучения, воспитания и развития, антагонистически разобщаемых в теориях формального и материального образования.

Для нравственного воспитания важно, однако, не только содержание, но и методы обучения. Суть воспитывающей методики преподавания Ушинский усматривал в обеспечении «разумной классной деятельности», дающей достаточную пищу для детской активности и волевых усилий ученика.

Только таким путем может быть изгнана из школы скука, являющаяся источником множества детских проступков, отравляющая светлый поток детской жизни и приводящая педагогов в отчаяние.

В этом аспекте все богатейшие дидактические указания Ушинского (о воспитании активного внимания, памяти и самостоятельной работы мысли, о построении урока, о повторении, о самостоятельной работе и т. д.) являются также существенными предпосылками успеха и нравственного воспитания учащихся.

Труд как фактор воспитания. Исключительно велико, по Ушинскому, нравственно-воспитывающее значение труда. При этом имеется в виду не только интеллектуальный, учебный труд, но и труд физический.

Ушинского глубоко возмущало наличие в сиротских интернатах «целых рот прислуги», и он настойчиво требовал учить детей самообслуживанию, т. е. умению обходиться, где только возможно, без посторонней помощи, но особенно высоко ценил он участие детей в сельскохозяйственном труде. Труд укрепляет здоровье детей, мускулы и нервы, которые так ослабляются в обстановке праздности и безделья, затворнической жизни в закрытых учебных заведениях.

«Вот один (подросток. — С. Р.) от нечего делать прокладывает дырку в земле; другой, навалившись навзничь, плюет в воздух; третий лежит ничком и рвет зубами траву; там же четвертый

очень прилежно выдавливают коленом дно своей фуражки; там небольшая кучка, притаившись за кустом, курит папиросы; в другом месте тишком играют в карты».

Такое времяпрепровождение Ушинский называет «лакейским», «когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове».

В эти-то именно минуты, по Ушинскому, портится сердце и нравственность, ибо, решительно не зная, что с собою делать, человек мало-помалу привыкает убивать время.

Ценя так высоко воспитательное значение труда, Ушинский в то же время не забывал о необходимости обеспечения достаточного и содержательного досуга, свободного времяпрепровождения.

В этом плане Ушинский рекомендовал организовать игры детей, вокальные и инструментальные концерты, спектакли, литературные вечера, коллективные прогулки. Все это, как пояснил Ушинский, создает облагораживающую жизнь интерната, которая очень действенно влияет на характер воспитанников.

Однако Ушинский неоднократно предупреждал о том, что дети не должны пресыщаться всякого рода развлечениями и увеселениями, порождающими тяжелое чувство апатии. Есть такие люди, которые, будучи свободны от необходимости прокормить себя и семью своим личным трудом, тем не менее чувствуют всю побуждающую силу врожденного душе стремления к деятельности, ищут труда без трудности, другими словами, ищут удовольствий. На этом пути погони за наслаждениями встречается человек с неизменным психическим законом, который заключается в том, что все наслаждения покупаются страданиями. И вот человек хочет обмануть природу, хочет по-возможности уменьшить страдание и выторговать за него у природы возможно большее наслаждение. Но природу нельзя обмануть такой фальшивой и легковесной монетой, и она платит за обман тяжелым чувством пресыщения, а потом совершенно невыносимым, доводящим до самоубийства чувством апатии, отвращения от всех наслаждений и от самой жизни.

Итак, разумная деятельность — одно из рациональнейших и действительнейших гигиенических средств, не только предупреждающих, но и излечивающих нравственные детские болезни.

В разумно устроенной школе, указывает Ушинский, наказаний за леность быть не может, потому что дети заняты и шалить им некогда. Все, что может быть допущено в такой школе, — это самые легкие взыскания за невнимательность или поощрения за внимание.

В этой связи Ушинский выясняет весьма чутко свое отношение к наказаниям и поощрениям как средствам нравственного воспитания.

О наказании и поощрении. В старой школе, говорит Ушинский, имея в виду дореформенную школу, дисциплина была основана на самом противоестественном начале — на страхе к учителю, рождающему награды и наказания.

Этот страх принуждал детей не только к несвойственному, но и вредному для них положению: к неподвижности, классной скуке и лицемерию. Ребенок вялый, неподвижный по натуре, легче других выносящий школьную скуку, или ребенок, быстро выучившийся лицемерить, — смотреть на учителя с величайшим вниманием и в то же время щипать товарища под скамьей, получали награду; дети живые, подвижные, жадно требующие пищи своим развивающимся способностям, откровенные, не умеющие скрывать своих душевных движений, подвергались наказаниям. Все мы, заключает Ушинский, поплатились за это смиренное сиденье в классе.

Поощрения и наказания, по мнению Ушинского, являются не безвредными гигиеническими средствами, предупреждающими болезнь или излечивающими правильной нормальной жизнью и деятельностью, а лекарствами, которые вытесняют болезнь из организма другой болезнью.

Чем менее, по его мнению, нуждается школа или семья в этих, иногда необходимых, но всегда лекарственных и потому ядовитых средствах, тем лучше; поэтому, предупреждает он, пусть педагог не забывает, что, если поощрения и наказания остаются и до сих пор необходимыми для детей, то это показывает только несовершенство искусства воспитания.

«Много говорят у нас о том, чтобы выгнать все наказания из школы; но рациональнее было бы требовать такого устройства школ, при котором награды и наказания сделались бы ненужными».

К наказаниям Ушинский относил также моральные сентенции, он считал их даже хуже наказаний, если они применяются к младшему возрасту. Приучая детей слушать высокие слова нравственности, смысл которых не понят, а, главное, не прочувствован детьми, вы готовите лицемеров, которым тем удобнее иметь пороки, что вы дали им ширмы для закрытия этих пороков.

Режим и порядок. Нравственно-воспитывающее значение имеют и организационные формы, в которые облечена вся деятельность учебного заведения: установленный режим, порядок и стройность в занятиях, приучающие к ответственности за порученное дело. Но школьный режим должен быть усилен, целесообразен, и соблюдение его детьми должно тщательно проверяться, а делать это надо «без свирепой строгости, но и без слабости, ласково, с шуточкой, но в то же время настоятельно».

О чувстве меры в воспитании. Ушинский мастерски

выразил глубокое педагогическое требование — соблюдение меры в воспитании, которое так часто игнорируется педагогами, вследствие чего правильные педагогические приемы приводят иногда к результатам, противоположным ожидаемым.

Вот в каких словах сформулирована сущность указанного требования:

«В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность, когда добрые чувства и стремления сами собою развиваются в детях, а начатки дурных наклонностей, приобретенные, быть может, прежде, — понемногу изглаждаются».

О значении детского общественного мнения. Подвергая анализу деятельность американской школы, Ушинский положительно отзывается об опыте детского самоуправления, подчеркивая могучее влияние детского общественного мнения.

Моральное влияние наставника на мальчика далеко не равняется тому, которое имеют мальчики один на другого.

Школа составляет общество, имеющее свое общественное мнение столь же сильное, как и мнение света, даже сильнее, потому что в четырех стенах залы или спальни нет убежища для независимой мысли. Для благосостояния школы поэтому важнее всего создать и поддерживать высоко нравственный тон между воспитанниками и образовать в орудие добра это общественное мнение школы, которое действует могущественно во всяком направлении. Если общественное мнение школы возвысилось до того, что между воспитанниками считается за стыд обмануть, за низость — злоупотребить доверием, тогда большая часть дисциплины может быть предоставлена самим воспитанникам и именно тем, которые по своему характеру сами получили влияние на класс и своим поведением возвышаются до такого положения.

Итак, задача педагогов образовать общественное мнение в высоко нравственное орудие добра, иначе ранняя независимость, которую дети получают, может породить чрезмерно высокое понятие о самих себе и о своих правах.

Так, Ушинский при самом возникновении детского самоуправления, правильно оценил его сильную и слабую стороны, как средства нравственного воспитания.

Учитель как воспитатель

В конечном итоге успех нравственного воспитания учащихся решает не устав, не форма, не метод, а воспитатель, влияние его личности, составляющее ту воспитательную силу, которую нельзя

заменить ни программами и учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений.

Воспитатель (преподавание есть только одно из средств воспитания), поставленный лицом к лицу с воспитанниками, в самом себе заключает всю возможность успехов воспитания.

Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение, а на убеждение можно только действовать убеждением.

Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она ни была, не перешедшая в убеждение воспитателя, останется мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Самый бдительный контроль в этом деле не поможет. Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции; не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы. Нет сомнения, что многое зависит от общего распорядка в заведении, но главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного воспитателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником. Многое, конечно, значит дух заведения; но этот дух живет не в стенах, не на бумаге, а в характере большинства воспитателей и оттуда же переходит в характер воспитанников.

Воспитательное влияние есть влияние развитого характера на характер формирующийся; а характер — это личность человека.

Вот почему не всякий, кто знает предмет, способен быть учителем. Большой энергии и большого навыка требует добросовестное выполнение этой должности, которую, увы, общество не всегда ценит как следует.

Воспитателями детей должны быть педагоги, а не специальные ученые; должны быть такие воспитатели и наставники, для которых самое душевное развитие воспитанника является специальным предметом.

Ставя высоко роль учителя, который, по его мнению, значит все в воспитании, Ушинский ценил в нем не столько его знания, сколько его умение воспитывать, его личное непосредственное влияние на учащегося, с которым он живет и непрерывно общается.

Это положение Ушинского имеет особо актуальное значение для педагогических учебных заведений, где, может быть, уже сколько-нибудь научились готовить преподавателя, но еще очень слабо готовят квалифицированных воспитателей.

Ушинский резко выступал против всяких проявлений разрыва между образованием и воспитанием. Критикуя работу современной ему школы, он с горечью указывал на то, что каждый из преподавателей заботится только о том, чтобы дети знали его предмет, и никто не считает себя обязанным подумать вообще об умственном и нравственном развитии детей. «Разве,—вопрошает

он саркастически, — это дело учителя грамматики? Разве это дело учителя географии? Или учителя арифметики? Или займется этим учитель французского языка, чистописания и т. д. Если мы никому не поручим заботиться об умственном и нравственном развитии наших детей, то чему же удивляться, если это развитие идет плохо? А директора, а инспекторы? Но разве чудом каким могут они иметь влияние на душевное развитие детей, обходя классы и посматривая на скамьи, где стройными рядами расположена целая масса. А законоучители, т. е. учителя катехизиса и начатков священной истории. Столько же сильны, что и другие учителя, если еще не менее. Остается классный надзиратель и классная дама; но ведь это полиция школы, а отдав в руки полицейских чиновников душевное развитие вашего дитяти, можете ли вы ожидать чего-нибудь доброго»¹.

Ушинский, таким образом, решительно осудил господствовавшее в его время в зарубежной и русской школе разделение основных элементов школы (учебного, воспитательного и административного), приводившее к тому, что ни учитель, ни воспитатель не имели никакого воспитательного влияния.

В противовес этому Ушинский выдвинул категорическое требование объединения в одном лице учителя образовательной и воспитательной функций, ибо обучение есть «могущественнейший орган воспитания», и воспитатель, лишенный этого органа, теряет главнейшее и действительнейшее средство иметь влияние на воспитанников.

Самыми важными качествами педагога как воспитателя Ушинский считал глубокое понимание психологии детей, педагогический такт и неутомимое педагогическое творчество.

«Посмотрите на иного преподавателя, который, что называется, втянулся в свою должность. Он, кажется, принимает живое участие в том, что говорит: делает энергические жесты, многозначительно улыбается, грозно хмурит брови. Но не верьте этим жестам, этим улыбкам, этим юпитеровым бровям. Он точно так же улыбается, точно так же стучит рукою двадцать лет сряду на каждом уроке. Он сладко дремлет и сердито просыпается, когда какой-нибудь шалун нарушит его спокойствие. Как же требовать, чтобы у такого преподавателя ученики сохранили возбужденное состояние, необходимое для всякого плодovitого ученья; они только сидят смиренно, боясь разбудить дремлющего, хотя говорящего учителя».

Чтобы не превратиться в такого рутинера, нужно непрерывное обогащение и углубление познаний учителя, вооружение его воспитательным искусством, о котором люди до сих пор мало ду-

¹ Собрание педагогических сочинений, стр. 127.

мали, но на которое, как верил Ушинский, взор человека вскоре будет невольно обращен.

Ушинский сохранял всю жизнь глубокое убеждение в том, что великое искусство воспитания, которое, по его мнению, едва только начинается и в храм которого мы еще не вошли, обладает огромной силой, значение которого обществом еще недостаточно осознано.

«Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания, искали средства величия и счастья везде, кроме той области, где всего скорее их можно найти».

Но он не сомневался в том, что педагогическая наука созреет до такой степени, когда взор человека невольно будет обращен на «воспитательное искусство».

Изучая данные о психической жизни человека, добытые в разных теориях и исследованиях, он поражается обширными возможностями, которыми обладает воспитание для влияния на развитие ума, чувства, привычек и воли человека.

По мнению Ушинского, всякий наблюдательный человек, а тем более всякий наблюдательный воспитатель, без сомнения имеет множество случаев убедиться в том факте, что, каковы бы ни были врожденные задатки человека, «воспитывающие меры, влияние школы, семьи, жизни сильно видоизменяют врожденные задатки характера, если не могут вовсе их изменить».

Кто из людей, наблюдавших над воспитанием и развитием человека, вопрошает Ушинский, не имеет твердого убеждения, что семейное и школьное воспитание, а потом жизнь не оказывают могущественного влияния на характер человека? Не видим ли мы на целых поколениях людей ясной печати той школы, в которой они учились, разве мы не видим очень часто самые резкие образцы характеров или сломанных жизнью или, наоборот, закаленных ею.

И вот, как бы ни казались обширными требования, которые мы предъявляем воспитателю, но эти требования вполне соответствуют обширности и важности самого дела. Конечно, если видеть в воспитании только обучение чтению и письму, древним и новым языкам, хронологии исторических событий, географии и т. п., не думая о том, какой цели достигаем мы при этом изучении и как ее достигаем, тогда нет надобности в специальном приготовлении воспитателей к своему делу; зато и самое дело будет идти, как оно и теперь идет, как бы мы ни переделывали и перестраивали наши программы: школа попрежнему будет чистилищем, через все степени которого надо пройти человеку, чтобы добиться того или другого положения в свете, а действительным воспитателем будет попрежнему жизнь со всеми своими безобразными случайностями.

Педагогические меры и методы воспитания очень разнообразны, и только знакомство со всем этим разнообразием может спасти воспитателя от той упрямой односторонности, которая, к несчастью, слишком часто встречается в педагогах-практиках, не знакомых с педагогической литературой. А сколько зла может сделать рутинность одного такого педагога, если она ошибочна! Приступая к педагогическому делу, надо прежде всего убедиться, что ваша метода воспитания или же преподавания лучше всех тех, которые употребляются в других местах и другими педагогами, — убедиться прежде, чем тридцатилетняя практика заставит вас самолюбиво отстаивать хотя ошибочную, да зато вашу методу.

Практическое значение науки состоит в том, чтобы овладевать процессами жизни и покорять их разуму и воле человека.

И воспитатель, стоящий в уровень с современным ходом воспитания, чувствует себя «живым и деятельным борцом с невежеством и пороками человечества...», «могучим ратоборцем истины», дело которого, будучи скромным по наружности, по сути есть «одно из величайших дел» истории.

Из всего изложенного очевиден тот огромный вклад, который внесен К. Д. Ушинским в методику нравственного воспитания. Учитывая эти огромные заслуги Ушинского, мы не будем останавливаться на тех моментах его учения, которые являются чуждыми и враждебными марксистской идеологии: отстаивание им религиозного воспитания, его преклонение перед патриархальными качествами русского крестьянства и др. Юбилейные почести, воздаваемые нами великому нашему отечественному педагогу, преследуют цель осмысления и освоения всего того, что является положительным в его педагогической системе и может быть успешно использовано для решения воспитательных задач советской школы. Глубоко прав был М. И. Калинин, заявив в своей речи на совещании работников народного образования 30 января 1941 г., что настоящие педагогические идеи, которые развил в свое время К. Д. Ушинский, только в нашем, социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены.

РОДНОЙ ЯЗЫК В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ К. Д. УШИНСКОГО

К. Д. Ушинский звал к тесному взаимодействию педагогов и работников других специальностей: «Медик, историк, философ могут принести непосредственную пользу делу воспитания только в том случае, если они не только специалисты, но и педагоги».

В нашу великую эпоху и в стенах нашего крупнейшего педагогического вуза, готовящего кадры высококвалифицированных учителей для советской школы, эти слова Ушинского имеют особенно важное значение. Излагая свою специальную дисциплину, каждый научный работник Педагогического института учитывает предстоящую педагогическую деятельность своих слушателей в качестве воспитателей и руководителей подрастающего поколения.

К. Д. Ушинский (1824—1870) справедливо и единодушно считается основоположником русской национальной педагогической системы, поставившим на твердую почву нашу народную школу и дело подготовки учителей для нее.

Наш народ-победитель и вся наша великая страна в связи с 75-летием со дня смерти Ушинского обращаются с глубочайшим вниманием к его трудам, имеющим первостепенное значение для дальнейшего расцвета нашей растущей с каждым месяцем советской школы. Организованный по постановлению Совнаркома СССР Всесоюзный комитет для проведения этой годовщины, мероприятия Академии педагогических наук, выставки, издание сочинений Ушинского, статьи в газетах и журналах — все это убедительно доказывает живейший интерес к работе творца русской педагогики и в наши дни.

К. Д. Ушинский горячо и деятельно любил свою родину, ее народ и родной язык. Ушинский целью своей жизни поставил служить родной земле и ее широким трудящимся массам. «Сделать как можно более пользы своему отечеству — вот единственная цель моей жизни». Эти слова, записанные Ушинским в его дневнике еще 25-летним юношей, блестяще и полностью осуществлены всей деятельностью Ушинского на пользу родной школы и практической его работой в качестве преподавателя Гатчинского, а впоследствии Смольного института, где он поставил на

небывалую высоту педагогику и преподавание русского языка, несмотря на происки его врагов.

Наблюдения над швейцарской школой оказались для Ушинского не образцом для подражания, а источником для размышления о нуждах родной страны и ее школы, о том, что нужно нашему народу. Сидя на уроках лучших педагогов Швейцарии, он переносился мыслью к своему народу, для которого он считал необходимым устройство хороших школ и учебных заведений для подготовки учителей.

Изучив основательно западноевропейскую и американскую педагогику, он не остался в плену у иноземных педагогических систем, а использовал их для того, чтобы отчетливо оформить свою народную педагогическую систему. «У каждого народа своя идея воспитания», — говорит он в статье «О пользе педагогической литературы». И эта система должна быть самостоятельной, народной.

Однако это не узкий национализм, замкнувшийся в себе самом и отрицающий все хорошее у других народов. Наоборот, Ушинский критически усвоил все лучшее в педагогике зарубежных стран, смотря на все глазами русского человека.

И когда мы говорим о патриотическом энтузиазме Ушинского, мы невольно вспоминаем отзыв Гоголя о национальном характере творчества Пушкина — основателя новой русской литературы и создателя русского литературного языка.

«Он (Пушкин) по самому началу своему был уже национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сафана, а в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам кажется, что это чувствуют и говорят они сами».

Исходя из своих патриотических настроений, Ушинский видит задачу школы в том, чтобы воспитать ребенка не только как человека вообще, но и как верного сына своей родины, что особенно ценно в наши дни.

Отсюда понятно, что одним из основных принципов педагогической системы Ушинского является народность, соответствие народному характеру школьного воспитания, так и семейного, которому Ушинский придавал большое значение, как выражению русских народных устоев.

В тесной связи с этим стоит то высокое значение, которое придавал наш великий педагог родному языку — этому важнейшему средству национального воспитания.

Теоретические воззрения Ушинского на язык, которых нам необходимо коснуться, прежде чем сказать о деталях в работе

по родному языку, во многом объясняются теми же патриотическими настроениями Ушинского. Профессор Медынский уже цитировал его восторженные гимны русскому языку, но следует и еще кое-что добавить.

В капитальном труде Ушинского «Человек как предмет воспитания» мы читаем:

«И в личности Несторовой летописи мы узнаем прародителей наших не только по плоти, но и по слову и по духу». Язык — первый истолкователь и природы, и жизни, и отношений к людям. «Являясь вернейшей летописью всей духовной жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником... Усваивая народный язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений».

Эти восторженные отзывы Ушинского о родном языке приводят к полному отождествлению языка и нации без учета других сторон этого сложного вопроса. И справедливость требует сказать, что несмотря на глубоко патриотические чувства, он все же не смог отрешиться от своей эпохи и подняться до всестороннего и четкого выяснения вопросов о взаимоотношении языка и нации, которым мы располагаем в наши дни, благодаря классическому труду И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», где мы читаем: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации».

Что касается воззрения Ушинского на происхождение языка, то особенно интересным и приближающимся к методологической установке советского языкознания надо признать высказанное им в 1870 г. в его «Руководстве к преподаванию по «Родному слову», ч. II:

«Язык, которым мы обладаем, не есть что-нибудь прирожденное человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с неба, но плод бесконечно долгих трудов человечества, начавшихся с незапамятных времен и продолжающихся до настоящего времени в наследственной передаче от племени к племени и от одного поколения к другому». Такой взгляд более соответствует современным установкам, чем его ранние рассуждения, которые он сумел переработать. Другим важным обстоятельством является тесная связь языка и мышления, устанавливаемая Ушинским, что тоже перекликается с современным интересом к этому вопросу, а в педагогической системе Ушинского положено в основу ряда методических приемов по изучению родного языка в школе в связи с развитием детского мышления.

«Язык не есть что-либо отрешенное от мысли, а напротив — органическое создание... Развивать язык отдельно от мысли невозможно».

Этот же вопрос о взаимосвязи языка и мышления, слова и мысли Ушинский освещает и в других работах, например, в первом томе «Педагогической антропологии».

Переходя к непосредственному изложению мыслей Ушинского о постановке школьных занятий по родному языку, необходимо отметить, что наш великий педагог имел в виду по преимуществу начальную школу. Для нее он дал непревзойденные по простоте и занимательности учебные пособия; для работников начальной школы он предназначал большинство своих методических статей по родному языку. Однако, по выражению недавно скончавшегося профессора П. О. Афанасьева, «общие принципы крупнейшего русского педагога осветят и путь преподавателя родного языка в средней школе».

Кроме того, «Родное слово» год 3-й отдел первый — грамматический — дает настолько богатый и сгущенный материал по грамматике русского языка, «Руководство к преподаванию» по этой книге так обстоятельно разрабатывает методические вопросы, что и учитель средней школы — именно ее среднего звена — найдет в этой книге живое пособие, высокий образец для подражания.

Касался Ушинский и вопросов преподавания русского языка в старших классах (например в статье «О сочинениях Пирогова», в отчетах о заграничной командировке и т. д.), но скорей мимоходом, чем со специальной целью. Сюда же нужно отнести и опыт преподавания в старшем отделении Гатчинского института. Тем не менее слава Ушинского основана на его трудах для начальной школы.

Центральное место во всей системе обучения и воспитания Ушинский отводит родному языку. Высказываниями подобного рода полны и вышеупомянутые пособия и статьи, соответствующие впечатления отражены и в письменных отчетах о заграничных школах и в других произведениях нашего крупнейшего педагога.

Однако нужно иметь в виду, что признание родного языка основой всей работы и дверью к обучению другим наукам, по взглядам Ушинского, не исключает этих других предметов школьного обучения и не сливает их с родным языком.

Ушинский настаивал на классной системе преподавания для младших возрастов в целях более стройного и единого формирования детской личности. «Чем больше разнообразия в учебных занятиях и чем меньше разнообразия в учащих, тем лучше для первоначального обучения».

В первоначальном обучении отечественный язык занимает бесспорно главное место, и наставник родного языка должен был бы преподавать все остальные предметы и распоряжаться ходом всего обучения и развития детей. «Отечественный язык есть единственное орудие, посредством которого мы усваиваем идеи и знания, а потом и передаем их», — читаем мы в отчете о заграничной командировке.

Недаром Ушинский с горечью рассказывает, с каким трудом ему удалось ввести пять уроков русского языка в неделю для младших классов Смольного института.

Главные задачи преподавания родного языка Ушинским формулируются в 1864 г. таким образом:

«Учение детей отечественному языку имеет три цели: во-первых, развивать в детях ту врожденную душевную способность, которую называют даром слова; во-вторых, ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка и, в-третьих, усвоить детям логику этого языка, т. е. грамматические его законы в их логической системе. Эти три цели достигаются не одна после другой, а совместно».

Выше уже было замечено, что идеалистическая мысль о врожденности дара слова Ушинским впоследствии была преодолена.

Для достижения первой из указанных целей Ушинский рекомендует самостоятельные упражнения, основанные на наглядности и построенные систематически для развития логической мысли у детей, причем устные упражнения должны предшествовать письменным.

Вторая цель достигается изучением лучших образцов народного творчества и художественной литературы, что вводит ребенка в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни.

Третья цель — «усвоение грамматики» — должна объединить знание и навык, подготавливая логическими упражнениями к собственно грамматическим занятиям. Хорошим средством Ушинский считает разбор, который нельзя, однако, сводить к однообразной и скучной работе. Достижение этой цели и должно привести ребенка к правильному употреблению родного слова.

В «Руководстве к преподаванию по «Родному слову», ч. II Ушинский указывает три рода занятий для достижения разнообразных целей изучения отечественного языка: «1) беседы с детьми, 2) толковое чтение и изучение наизусть литературных образцов, 3) изучение грамматики».

1. Беседы с детьми должны развивать логическое мышление в детях и устную речь. Материал берется из наблюдений над окружающими предметами и явлениями природы без превращения, однако, этих бесед в уроки естествознания.

2. Чтение и заучивание наизусть образцовых литературных произведений, доступных детскому пониманию, обогащает и пополняет словарный запас у детей и дает хорошие словесные привычки. Интересно, что после временного и незаслуженного забвения этот вид работы по родному языку начинает практиковаться в советской школе за последние годы.

3. Изучение грамматики необходимо для достижения навыков грамотного изложения своих мыслей и для общего развития, так как грамматика является «началом самонаблюдений человека над собственным мышлением и выражением его в слове».

Как видно из этих положений Ушинского, занятия грамматикой составляют лишь часть общей работы по языку, тем не менее на ней придется остановиться.

Конечным достижением всех видов занятий родным языком Ушинский считал «последовательность, основательность, точность в выражениях, богатство мыслей, точность и определенность языка», что ему понравилось в заграничной школе. При этом приходят на память классические требования Пушкина к слогу: «Точность, опрятность — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей».

Собственно грамматическому изучению русского языка должны предшествовать упражнения в живой речи в течение первых двух лет обучения. Необходимые навыки — первое условие для дальнейшего сознательного усвоения языка и других наук. О важной роли навыков Ушинский говорит и в «Педагогической антропологии»: «Во всяком умении — в умении ходить, говорить, писать, считать, рисовать и т. д. — навык играет главную роль. Навык во многом делает человека свободным и прокладывает ему путь к дальнейшему прогрессу».

В тесной связи с этим стоит высокая роль работы по развитию речи во всей системе занятий русским языком, а также важность надлежащей постановки объяснительного чтения.

Из этих двух крупных видов я остановлюсь вкратце на развитии речи, как его представляет Ушинский.

Развитие речи устной и письменной проходит красной нитью через все годы обучения. Ушинский говорит, что одна из важнейших обязанностей учителя русского языка — «способствовать развитию изустной речи в детях», тем более, что «изустная речь служит основанием письменной».

И в заключительном выводе на третьем году подчеркивается та же мысль перед повторным изложением полной системы письменных упражнений по каждому году: «Главное занятие, вокруг которого более или менее группируются все остальные и по которому мы располагаем даже и самую грамматику, есть прак-

тическое упражнение в языке, устное и письменное». И действительно, стоит нам раскрыть руководство для первого года, как мы найдем различные упражнения в назывании предметов, в заучивании пословиц, в доканчивании фраз, в составлении ответов на вопросы и т. д.

На втором году — новые упражнения такого же характера, но с большим усложнением, так что им отводится целый раздел книги опять-таки с использованием вопросов и пословиц, что является подготовкой к достижению цели второго года, т. е. к овладению структурой простого распространенного предложения.

О работе по развитию речи на третьем году и говорить много не приходится. Для этого есть особое руководство, еще более расширенное и усложненное. Во всех занятиях — беседы по картинам как один из видов применения наглядности.

Если к этому добавить рассказ учителя, воспроизводимый классом по отдельным вопросам, рассчитанным на постепенное развитие самостоятельности, то круг работ, предлагаемых Ушинским, представится еще более широким и поучительным для занятий русским языком и в нашей советской школе.

Особенно нужно остановиться на работе по пословицам. Ушинский пишет: «Пословицы по форме — это животрепещущее проявление родного слова», «по содержанию — в них, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями».

Поэтому, исходя из своего принципа народности в воспитании, Ушинский считает пословицы лучшим средством «привести детей к живому источнику народного языка». И эта идея весьма полезна для нашей школы, конечно, за вычетом устаревших пословиц и заменой их новыми.

Преподавание грамматики в собственном смысле слова в педагогической системе Ушинского представляется лишь как часть общей работы, но часть весьма важная, требующая от учителя определенной системы знаний, которые он хочет передать детям. На этом требовании Ушинский особенно настаивал: «Хотя в том возрасте, для которого назначается «Родное слово», детям не нужна еще систематическая грамматика и хотя для первоначального знакомства с грамматикой всего лучше практическая форма разбора, но при этом требуется, чтобы в голове самого наставника была такая строго обдуманная система первоначальной практической грамматики, которая вела бы его к цели — без потери лишнего времени, без пропусков чего-нибудь существенного, без забвения пройденного, — вела бы от простого к сложному, словом, с последовательностью и постепенностью вполне педагогической».

Прекрасное пособие для школьного учителя и образец для нашего времени дал Ушинский в своей книге для третьего года, где он проделал громадную подготовительную работу ввиду неудовлетворительного состояния тогдашних учебников грамматики.

Взамен этого Ушинский дает свою школьную систему грамматических знаний: «Это провизуарная грамматика — попытка выйти наиболее сносным образом из того стесненного положения, в которое поставлен преподаватель первоначальной русской грамматики, с одной стороны, неустановившимся состоянием наших основных грамматических понятий, а с другой стороны, необходимостью сообщить эти понятия детям».

Цели своей Ушинский блестяще достиг, дав нашей школе непревзойденный образец построения учебника грамматики. Необходимо дать хотя бы краткую характеристику этой книги и прилагаемых к ней упражнений по родному языку.

«Основа нашего учебника, — говорит Ушинский, — заключается в наблюдении форм и законов языка сначала над примерами, нарочито для того подобранными, а потом над отрывками из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» и в заключение над 15 образцовыми произведениями нашей литературы, и преимущественно баснями Крылова».

Расположенные концентрически, небольшими частями из всех разделов грамматики, сведения о родной речи Ушинский в определенные моменты систематизирует путем периодического повторения пройденного, закрепляя в памяти выученное ранее и соединяя с упражнениями в устной и письменной речи, так что у ученика к концу курса создается прочный запас знаний о родном языке и умение осмысленно пользоваться его богатствами в практической жизни.

Как это гармонирует с нашими установками в программе средней школы!

Грамматический разбор не замыкается в голом анализе форм слов и их сочетаний, а соединяется со смысловым разбором, уясняющим содержание словесного целого и его лексических составных единиц и дающим богатый материал для работы над синонимами, омонимами и другими стилистическими типами наших слов и фразеологических оборотов; замена одних выражений другими, разъяснение точного смысла и многозначности слов — вот какие упражнения предлагает Ушинский на уроке грамматики.

К трем указанным видам разбора — смысловому, синтаксическому и этимологическому, т. е. морфологическому, как теперь принято его называть, Ушинский присоединяет еще орфографический разбор, иногда связанный с довольно тонкими фонетическими наблюдениями и дающий параллель между произнесенным и написанным словом. Эти упражнения завершаются

предложением привести находящиеся в произведении пословицы (или придумать свои) и безошибочно написать наизусть разбираемый образец. Особенно богато разработаны все эти типы разбора в приведенном отрывке: «Наступление зимы» (из «Евгения Онегина»).

Впрочем, надо отметить, что для грамматического разбора стихотворений Ушинский кладет известные пределы, чтобы не разбивалось художественное впечатление от поэтических образцов. Да и вообще наш великий педагог, строящий свои учебники с удивительной простотой и занимательностью, предостерегает от излишней детализации и превращения грамматического разбора из необходимого и развивающего детский ум упражнения в скучную и утомительную работу; таковы его высказывания еще в раннем труде — «Детский мир», где он говорит: «Столь подробные вопросы не должны сопровождать чтение, чтобы не сделать их крайне утомительными для детей».

В своих учебных книгах Ушинский дал блестящие образцы для построения школьных пособий по русскому языку, которые, по мнению основоположника нашей национальной педагогики, должны удовлетворять строгим требованиям со стороны изложения и языка. В учебниках Ушинского зазвучала живая речь, зазвенел веселый детский смех. Народный материал подобран с большим вкусом и тактом, богато использованы пословицы и поговорки и обильно представлены элементы народной речи как в лексике, так и в словообразовании: мужичок — серячок; без клиньев — без подклинков; заколы бьют, рыбу ловят; пристали в значении устали; даже — мово, твово, свово; про тебя много горошку припасено; мизгирь — паук, раек — зрачок и т. п., тигонька — балинька (деревенская кличка гусей и овец). Богато использованы пословицы и поговорки в согласии с указанным выше взглядом на этот вид народного творчества: «Крой да песни пой, шить станешь — наплачешься» (сравни записанный в начале XX столетия вологодский вариант: «Крой да писни пой, наплацессе — ковда шить станешь»); «как в мае дождь (с народным произношением ясным из рифмы), так будет и рожь»; «солнце на лето — зима на мороз» и т. п.

Употребление просторечных и даже диалектных элементов в языке школьного пособия Ушинский допускал, исходя из общих соображений о том, что начинать классные занятия надо с местного наречия, на основе которого следует строить усвоение литературного языка. Уже в первой части «Руководства к преподаванию по «Родному слову» он высказывается так: «Учитель должен говорить с детьми тем языком, к которому они привыкли в своих семействах; но, конечно, без той грубости, которую иногда употребляют родители. Если дети, посещающие школу, говорят на

каком-нибудь особом наречии, то и учитель должен говорить на этом наречии, приводя детей мало-помалу к пониманию общерусского литературного языка».

Ушинский идет и дальше: несмотря на шовинистическую политику царского правительства, он не побоялся громко заявить о праве украинской школы на применение родного языка.

Присутствуя на уроках в Бернской школе, он отмечает и одобряет, «что с детьми начинают заниматься на том языке, на котором они говорят дома». Ушинский горячо высказался против преподавания на русском языке в украинской начальной школе:

«Такая школа, во-первых, гораздо ниже народа: что же значит она со своей сотней плохо заученных слов перед той бесконечно глубокой, живой и полной речью, которую выработал и выстрадал себе народ в продолжение тысячелетия; во-вторых, такая школа бессильна, потому что она не строит развития дитяти на единственно плодотворной душевной почве — на народной речи и на отразившемся в ней народном чувстве; в-третьих, наконец, такая школа бесполезна: ребенок не только входит в нее из сферы, совершенно ей чуждой, но и выходит из нее в ту же чуждую ей сферу».

Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила заветную мечту Ушинского, предоставив украинскому языку, как и языкам всех народов, входящих в братскую семью Советского Союза, возможность применения их во всех сферах жизни, в том числе и в школьном преподавании.

И методисты по всем национальным языкам СССР с благодарностью используют основные положения педагогической системы Ушинского для построения методики школьного преподавания своего родного языка.

Ценнейшие педагогические идеи Ушинского, посвятившего всю свою жизнь народной школе и ее учителю, единодушно признаны в высказываниях крупнейших деятелей нашей страны «золотым фондом» русской педагогики. В идеях нашего великого педагога советская школа и ее словесники, да и преподаватели всех других предметов находят богатейшие источники для организации своей повседневной учебной и воспитательной работы.

Самая разработка национального педагогического наследия Ушинского и осуществление его глубоких педагогических идей возможны только в нашем социалистическом обществе, в нашей великой стране, как об этом прекрасно было сказано М. И. Калининым на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования 30 января 1941 г.: «Те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвигаю в качестве практических предложений, — это настоящие педагогические идеи. Мало того, я считаю, что они только в нашем

социалистическом обществе и могут быть осуществлены». А в наши дни после победоносного окончания Великой Отечественной войны под гениальным водительством Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина, с переходом нашей страны на мирное строительство педагогические идеи Ушинского и, в частности, его идеи о преподавании русского языка получают еще большие возможности, так как наша средняя школа, непрерывно растущая и крепнущая, является школой широких народных масс, школой всеобщего обучения, школой подлинно народной, о которой мечтал и для которой трудился основоположник русской национальной педагогики К. Д. Ушинский.

О «РОДНОМ СЛОВЕ» К. Д. УШИНСКОГО

Творческий путь К. Д. Ушинского в высшей степени поучителен. Одна цель проникает всю его жизнь: принести как можно больше пользы своему народу. Эта цель и помогла ему преодолеть все препятствия — внешние и внутренние, которые встречались на его пути.

Окончив юридический факультет Московского университета, Ушинский 22 лет занял кафедру энциклопедии законоведения в Ярославском юридическом лицее. Однако, поняв, что народ после падения крепостного права больше всего нуждается в воспитании, в просвещении, Ушинский уже в 1854 г. начал педагогическую деятельность.

В 1868—1869 гг. выходит его работа «Человек как предмет воспитания» (опыт педагогической антропологии), 2 тома.

Теоретическая разработка педагогики показала Ушинскому, что воспитание без обучения невозможно. А обучение нужно было начинать с грамоты. Существовавший тогда искусственный, схоластический, буквослагательный метод не удовлетворял Ушинского. Он был основоположником в России звукового метода обучения грамоте. Хотя звуковой метод получил уже значительное распространение на Западе, однако Ушинский не заимствовал его механически. Русские потребности, свойства русского языка и опыт практического применения звукового метода показали, что вопрос надо решать самостоятельно. Это потребовало большой теоретической работы над фонетикой, письмом и словарем русского языка. Результатом этой работы и явилась азбука и первая после азбуки книга для чтения — «Родное слово», год первый (Изд. 1-е, 1864 г.).

В первоначальный план «Родного слова» не входила грамматика как отдельная часть, но «собственный опыт при занятиях с детьми, а еще более наблюдения за занятиями других по «Родному слову» и «Детскому миру» убедили нас, — говорит Ушинский, — что при первоначальном практическом знакомстве с отечественной грамматикой, в разборе и при словесных и письмен-

ных грамматических упражнениях, если и не невозможно, то, по крайней мере, очень трудно обойтись без особого, именно для этой специальной цели подготовленного, грамматического руководства»¹.

«Перебирая наши учебники по грамматике, мы не нашли нигде ни одного, который удовлетворял бы этой цели, как мы ее понимаем»².

Опять пришлось составлять учебник грамматики, предварительно самостоятельно решив ряд теоретических вопросов.

Так, практика требовала теоретического освещения, а теория претворялась в практику и проверялась на практике.

Ушинский всегда понимал задачу во всей ее конкретности и давал лучшее при данных условиях ее решение. При составлении азбуки ему пришлось решать вопрос о соотношении устной и письменной речи. Он верно понял, что наше письмо отражает устную речь.

Отсюда — требование начинать со звуковых упражнений, приготавливающих к чтению. «Изучив все гласные звуки, все еще не давая детям в руки азбуку, можно уже приступить к звуковому изучению согласных»³.

Так дифференцировались трудности исходя из самого существа того, что понималось под устным и письменным языком.

Ушинский при этом принимал во внимание и то, что наше письмо не точно соответствует устной речи. Он так пишет: «В слове «вола» над буквой «о» стоит звездочка, чтобы напомнить детям, что «о» здесь произносится, как «а». Такая же звездочка стоит над всеми буквами, не имеющими своего настоящего произношения»⁴ (то есть, другими словами, — не соответствующими произношению).

Этот принцип был провозглашен с совершенной точностью. Правда, состояние науки в то время ему не позволило провести его последовательно, но для тех времен и требовать этого было трудно. Вы представляете себе, до какой степени самостоятельно он должен был проделать эту кропотливейшую работу. Мы не могли бы указать, на что он, собственно говоря, мог бы опереться в этой работе.

Большое внимание уделял Ушинский изучению словаря. Его предшественники в этой области (например Гутель) не дали решения вопроса, которое могло бы удовлетворить Ушинского. Ушинскому пришлось опять самостоятельно выработать систе-

¹ «Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II, стр. 383. Избранные сочинения, т. II, М. 1938.

² Там же, стр. 384

³ «Руководство», ч. I, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 167.

му изучения словаря; он при этом ни на минуту не забывал конечной цели обучения: «всякое не мертвое, не бесцельное обучение имеет в виду готовить дитя к жизни, а ничто не должно быть важнее в жизни, как уметь видеть предмет со всех сторон и в среде тех отношений, в которые он поставлен».

Следуя ходу развития познания, Ушинский шел от близкого к далекому, от конкретного—к отвлеченному, от непосредственного восприятия предмета или явления—к слову, которое называет и обобщает.

При таком обучении у ребенка не было пустых слов, речь его была содержательна и выразительна. К такой речи и вел Ушинский. Он так об этом говорил:

«Та речь действительно хороша, которая выражает как раз то, что должна выражать, не более и не менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к ее содержанию, только портят ее. Повторяем еще раз, что не садить и размножать, но вырывать с корнем эти цветы красноречия должна хорошая школа, приучающая дитя выражать предмет, как он в душе его сознается. А сознать по возможности ближе к истине, т. е. сообразно наблюдению»¹.

В «Родном слове» сделана одна из первых у нас попыток систематического изучения словаря в школе. Это наиболее сильная сторона учебника. Надо пожалеть, что эта попытка не получила дальнейшего развития.

В грамматике Ушинский справедливо видел логику языка. Правда, не только логику, и он это хорошо оговаривает. Но логику в каком смысле? Как дальнейшую ступень отвлечения, обобщения. Изучение ее коренным образом отличается от изучения других наук: «Многие науки обогащают только сознание дитяти, давая ему новые и новые факты, грамматика начинает развивать самосознание человека...» Она является «началом самонаблюдения человека над своей душевной жизнью»².

«Всякое дитя, одаренное слухом, усваивает уже готовый прежде него созданный язык. В этом отношении мать, няня, словом семья, является первым наставником ребенка в отечественном языке. Когда дело доходит до учителя, то дитя уже обладает громадным сокровищем, даже превышающим детские потребности»³.

«Из такого отношения дитяти к полуусвоенному языку» Ушинский выводит обязанность первоначального наставника в отечественном языке:

«Во-первых, привести дитя в осознание того, чем оно владеет.

¹ «Руководство», ч. II стр. 394.

² Там же, стр. 392.

³ Там же, стр. 390.

Во-вторых, исправлять и пополнять его словарные запасы.

В-третьих, вводить в понимание законов языка».

«Изучение грамматики должно происходить для ребенка из его собственных наблюдений над тем, как он говорит, и чем самостоятельней будут сделаны эти наблюдения, тем лучше»¹.

Проанализировав, как дело обстоит на самом деле, Ушинский обратился к той грамматической теории, которая существовала в его время. «Шаткое положение современной русской грамматики» заставляет его критически пересмотреть важнейшие грамматические работы Буслаева и его последователей.

Критика Ушинского во многом справедлива, остроумна и не утратила значения до нашего времени. Он справедливо возражает против того, чтобы «наряжать наш молодой язык в средневековые формы латинской грамматики, которые и для мертвого латинского языка не совсем-то пригодны»². Он это иллюстрирует следующим образом. Он говорит: какая нелепость то, с чего начинают обыкновенно все грамматики. Начинают они с предложения и определяют подлежащее, как предмет, о котором говорится в предложении, а потом говорят о безличных предложениях как о таких, в которых нет подлежащего. Следовательно, говорит он, если одно равное заместить другим равным, то получится, что есть предложения, в которых ни о чем не говорится. Что за нелепость... И вот, — говорит он, — такой нелепости учат. Например, заставляют говорить, что если есть предложение «Я хочу», то лицо здесь выражено, а если есть предложение «Мне хочется», то лицо здесь не выражено, и это надо считать безличным предложением.

«При такой невыработанности основных грамматических положений и имея прежде всего в виду педагогическую цель, мы вынуждены были сделать более или менее важные исправления, а это само по себе чрезвычайно неприятно, — во всяком учебнике, тем более первоначальном. Но все же эта неприятность гораздо менее той, которую приходится испытывать всякому преподавателю, когда он вынужден объяснять детям что-нибудь нелогичное, непонятное, иногда — лишенное всякого смысла».

И здесь у него много иллюстраций из области синтаксиса, из области определения частей речи. И я должен сказать, что они не утратили своей остроты и для наших дней.

Глубоко проникнув в сущность языка, Ушинский дает и практические указания, но не рецепты. Они основаны на самом существовании процесса обучения. Я упомяну только два положения, которые мне кажутся особенно нужными, и не только при изучении

¹ «Руководство», ч. II, стр. 392.

² Там же, стр. 106.

языка: 1) «Воспитатель, понимающий природу памяти, будет беспрестанно прибегать к повторению не для того, чтобы починить развалившееся, но для того, чтобы укрепить здание и вывести на нем новый этаж»¹.

Смотрите практику: выучил, забыл, повторяет. Это именно та починка разрушенного, которая совершенно не считается с тем, что должен делать воспитатель, понимающий природу памяти. Связи установлены, связи разрублены, от них остаются какие-то клочки, а потом все начинается снова, и это называется повторением. 2) «Забвение — дурная привычка» это просто откровение какое-то. Многие думают: забыл, и это оправдание, а он говорит, что нет, это «дурная привычка».

Мне хотелось бы именно на эту сторону обратить внимание, потому что то, что делал Ушинский, должен делать каждый составитель учебника, каждый преподаватель, каждый студент, который готовится стать преподавателем. И именно, зная эту практическую задачу, к разрешению которой он подходит, он сейчас же должен осветить ее теоретически и теорию проверить на практике. Я считаю, что это должен делать наш Педагогический институт.

¹ «Руководство», ч., I стр. 207

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
Профессор Е. Н. Медынский, действительный член Академии педагогических наук РСФСР.—Великий русский педагог К. Д. Ушинский	5
Профессор К. Н. Корнилов, действительный член Академии педагогических наук РСФСР.—К. Д. Ушинский как психолог	29
Профессор И. И. Полосин.—Константин Дмитриевич Ушинский. Его детство, отрочество и юность	39
Доцент М. Ф. Шабаева.—Идея народности в педагогике Ушинского .	55
Профессор С. М. Ривес, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР.—Учение К. Д. Ушинского о методах нравственного воспитания	69
Профессор И. Г. Голанов. Родной язык в педагогической системе К. Д. Ушинского	87
Профессор М. Н. Петерсон.—О „Родном слове“ К. Д. Ушинского . .	99

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	19 снизу	с 1850 г.	с 1852 г.
12	9 сверху	в 1850 г.	в 1856 г.
16	13 снизу	особенности	особенностями
52	14 снизу	(1845 — 1848)	(1846 — 1848)

От 17/X—46 г. Ученые записки. Зак. 1043.

Ответственный редактор, действительный член Академии педагогических наук РСФСР профессор Е. Н. Медынский.

Л142930 Подписано к печати 18/IX 1946 г. Заказ 1043 Издательство МГПИ 3-46 г.
Объем 6,5 п. л. Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 700.

Типография. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46